

АЛЕКСЕЙ ЖАРКОВ

ТОЧКА

12+

Алексей Сергеевич Жарков

Точка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67587143

SelfPub; 2023

Аннотация

Масштабный научно-фантастический роман насыщенный оригинальными деталями, увлекательным сюжетом и интересными героями. В нём вы найдете всё, за что любите космическую фантастику: астрономию, физику, историю, немного внеземной политики и хоррора, приключения, юмор, романтику космоса, земные и внеземные технологии будущего, межпланетную войну, патриотизм, любовь, верность и дружбу. Этот роман – ваше путешествие в совершенно другой, незабываемо фантастический мир.

Содержание

1	5
276 – 375	18
2	43
376 – 399	62
3	81
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Алексей Жарков

Точка

Поставьте точку после тех, кто уйдет, чтобы имя тех, кто придет, было с большой буквы. (Платон)

1

– Тебе понравилось.

– Да.

– Это был не вопрос, – она встала и принялась искать глазами одежду. – Странное у тебя имя.

– Странное?

– Необычное. Ни разу такого не слышала.

– Бывает.

– Ты же иммигрант?

Он промолчал.

– Ну да, конечно – мы все тут такие, но я имела в виду, что тебя, может быть, назвали уже здесь?

– Нет, меня назвали... еще... там, – он кивнул головой в сторону пола.

Она заметила это движение.

– Да и ведешь ты себя странно.

– Энсемьпятьтриноля, ты как будто пришла в первый раз.

– Раньше не обращала внимания, но ты зовешь меня уже... – она задумалась, словно производя в уме какие-то сложные вычисления, – даже не могу сказать точно.

– Раз двадцать, кажется.

– Да, раз двадцать, не меньше, – согласилась она. – Я тебе нравлюсь.

– Да.

– Это был не вопрос, – она повернулась к нему, разматывая какую-то часть своего наряда и произнесла с едва заметным раздражением, – Икар.

– Что?

Не ответила. Он подошел к окну. Его жилище состояло всего из одной комнаты и было похоже на огромный пузырь. Икару казалось, что он живет внутри икринки какого-то гигантского существа, огромной воздушной рыбы, из тех, что рисуют на картинах, а затем оживляют в играх или в кино. И внутри этой здоровенной икринки, разумеется, не было ни одной более-менее ровной поверхности. Ни одной по-настоящему горизонтальной или вертикальной плоскости. Кровать, с которой он встал, имела семь ножек различной длины и формы. Их размер был подогнан под неровности пола, так что переставить кровать на другое место было почти невозможно. Вообще, кровать и не предусматривалась в этом жилище. Те, кто его проектировали, строили и прежде в нём жили, не имели ни малейшего представления о том, что такое кровать, зачем ей вообще быть, стоять ровно и не шататься. Это жилище строили не для таких, как Икар, а для других, для очень-очень других. Всё серое и неровное, слишком мрачное, навязчивое и подавляющее. Тоску навеивает. Но Икару удалось кое-как украсить стены. Одно из таких украшений привлекло внимание Энсемьпятьтриноля еще во время её первого визита.

– Что это? – спросила она тогда, с интересом рассматри-

вая висящее на стене изображение в тонкой призрачной рамке.

Это была листовка, которая чудом сохранилась у Икара во время его стремительного бегства с Энджи, плавившейся от собственного огня и так дорого доставшейся «Победы». На листовке были изображены люди в экипировке штурмовых сил флота, их светлые ясные лица выражали уверенность и смертоносную решимость. Космическое пространство за их спинами резали снопы ударных дронов, где-то рядом виднелись монументальные конструкции гигантских шлюзов. На груди у пилотов отчетливо просматривалась эмблема космических сил Энджи – тёмно-пепельный иероглиф, смысл которого Икар уже не мог вспомнить: не то «создатели новой вселенной», не то «творцы нового мира». Хотя этот символ сопровождал его с самого детства и был для него вроде всеобщей эмблемы – самым родным и знакомым – графический синоним Родины. Такие листовки раздавали всем, кто покидал Энджи в самый сложный для нее час, всем кто убегал. Те, кто раздавал их не могли никому помешать спасти свои жизни, но могли обратиться к их чувствам. И обращались, немного пафосно и просто, но из самых лучших побуждений.

«Не уходи!» – гласил плакат. И ниже помельче: «Победа наша, но реактор стоит. Заводы стоят. Помоги!».

Каким-то чудом эта листовка затесалась в его вещи, Икар точно помнил, что хотел ее выбросить, и помнил все эти ед-

кие усмешки в очередях на посадку при упоминании «Победы», и то, как ему хотелось избавиться от всего, что хоть как-то напоминало ему о доме. А потом, намного позже, случайно обнаружив эту листовку в старых вещах, он замер, сердце отозвалось, забилось. И столько всего поднялось в памяти... чего, казалось, там уже и быть не могло, но вот перед ним эта жалкая, потрепанная частичка Родины, умирающий кусочек его личной истории, и грудь сдавило от горьких воспоминаний, и захотелось вернуться домой, рассмотреть его, впитать, сохранить что-то большее для себя, не забыть. Тогда Икар бережно сложил листовку и спрятал. А потом решил, что это по сути еще одно предательство – стесняться дома, и, снова достав листовку, закрепил её на стене своего странного неудобного жилища.

– Икар?

– Да.

– Что это? – повторила вопрос Энсемьпятътриноля.

– Да так, сувенир, – ответил Икар.

– Откуда?

– Ну... как... Тут рядом есть одно необычное место... это... там раздавали.

Тогда, слегка удивившись слову «рядом», Энсемьпятътриноля разделась и больше о листовке не спрашивала.

Теперь же ее взгляд снова упал на лица пилотов штурмовых космических сил Энджи и на слова под ними.

– А что здесь написано? – спросила она без особого ин-

тереса.

– Не знаю, – соврал Икар.

– А зачем тогда повесил?

– Картинка прикольная.

Энсемьпятътриноля присмотрелась и фыркнула.

– Ерунда, уроды какие мерзкие, фу.

Икар не ответил. Может быть и ерунда, его совершенно не интересовало изобразительное искусство и живопись, но нравилось разглядывать изображения. И не важно, были они на листовках или на полноценных картинах. Хотя картины ему нравились больше. Некоторые он даже запоминал по имени, то есть по названию, которое считал неотъемлемой частью художественного замысла. И если картина никак не называлась, он её никак и не запоминал. Разве можно запомнить что-то, у чего нет названия? Правда, настоящие картины встречались ему крайне редко, картинок было полно: одни нравились, другие не очень – мелькали мимо, бесследно забываясь. Почти все.

Картины, в отличие от картинок, можно было долго разглядывать, смотреть как фильм. Особенно ему нравилось, что картины рассказывали ему о нём самом. Икар смотрел на картину, а разглядывал в ней себя, погружаясь с её помощью в свои чувства, в свои ощущения, в свои воспоминания.

Энсемьпятътриноля одевалась. Скоро она уйдет, и он снова останется один. Снова на него накатит тоска и грусть одиночества, и молчание, и тишина.

– Все время забываю, какой у тебя эшелон? – спросила девушка.

– Два три четыре.

– Спасибо.

Ей нужно было уточнить это для такси. Икар вдруг подумал, что это странно, что она не внесла номер его эшелона в карточку клиента, как она наверняка делала со всеми остальными, кто её звал. Наверное, это особенность характера, лёгкая расхлябанность или беспорядок, который необходим некоторым, чтобы ощущать движение жизни. Как высушенная в окно дрона кисть руки, играющая с ветром. В салоне такси тихо, и картинка за окном похожа на кино, в котором ты никак не участвуешь и которое ты никак не чувствуешь. А вот рука и воздух – это движение, вполне осязаемая связь с реальностью. Подтверждение твоего контакта с окружающим тебя миром. Так же и с номером его эшелона, который определяет высоту навигационного слоя относительно поверхности. Это же часть его адреса, почему бы его не записать и больше не спрашивать...

Странно. Икар бросил на Энсемьятытриноля короткий взгляд: она всегда очень долго собиралась, и обычно ему нравилось наблюдать за ней, но сейчас хотелось, чтобы она перестала одеваться и осталась. Чтобы встала рядом с ним у окна, и чтобы они вдвоём смотрели на закат и молчали, сплетаясь хвостами. И смотрели, как неторопливо погружается за горизонт меркнущая полоска Аури. И он бы сказал:

«Смотри, днем сложно разглядеть, что это именно полоска, а вечером видно вполне отчетливо. Саму полосу видно и даже некоторые элементы полярных колпаков. Если как следует присмотреться».

А она бы вздохнула и обняла его. Тёплая, нежная, как будто родная.

Единственное окно его жилища выходило как раз на запад. Аури всегда заходила в одном и том же месте – в просвете между огромными колоннами домов, основания которых терялись в дымном мраке нижних эшелонов, а вершины находились так высоко, что растворялись в облаках.

Икар считал, что ему повезло с видом из окна. Большинство домов смотрели друг на друга: из них ничего, кроме бесконечно повторяющейся текстуры точно таких же, совершенно одинаковых домов, видно не было. В просветах носились на безумных скоростях огромные грузовые дроны, и медленно, неторопливо проплывали не менее здоровенные, но, усыпанные светящимися иллюминаторами, пассажирские. Если бы не Энсемьпятьтриноля, Икар бы и не помнил, какой там у него эшелон. Цифра была прошита в его разрешении проживания на Хити, а точнее только в одном из районов под названием «Гронш». Что-то вроде изолятора для таких как он. Бывший жилой комплекс для низших слоёв, а теперь дом для мигрантов, чтобы те не смущали коренных жителей своими, так сказать, бытовыми особенностями.

– Там очередь, придётся подождать, ты не против, – ска-

зала Энсемблятыттриноля, не отрывая взгляд от визора.

– Не против.

– Надо же, не замечала за тобой такого раньше.

– Какого?

– Ты как будто мне всё время отвечаешь, когда я не спрашиваю.

Икар присмотрелся к девушке.

– Ты же спросила, не против ли я.

– Я так сказала, да, но это был не вопрос.

Икар отвернулся чтобы скрыть растерянность, а вдруг он действительно делает что-то неправильно, и она сейчас обо всём догадается? А что, если она уже догадалась? Он посмотрел на нее еще раз: копается в сумочке. Нет, если бы догадалась, не вела бы себя так спокойно.

– Надолго?

– Не знаю, там очередь. Говорю же. Если тебе не терпится от меня избавиться, можешь заплатить за приоритет, улечу за секунду.

– Подождем, – отозвался Икар. Это совпадало с его настроением, чтобы она осталась на какое-то время, но не слишком надолго, иначе с ним начнутся возвратные изменения, и тут уже не надо быть слишком уж проницательным, чтобы догадаться, кто он на самом деле. Даже слепой и глухой сможет это пронюхать.

– Как скажешь. Сегодня я не тороплюсь.

– Я тоже.

Энсемьпяттьтриноля разобралась с сумочкой, притихла, вздохнула, пространство приняло ее вздох, проглотило и вернулось к привычной тишине. Вынужденное ожидание затягивалось, тихая пауза между отрезками жизни, Икар решил разбавить его разговором, которого ему всегда не хватало. Ни на работе, ни дома, ни в барах, куда он изредка навевывался, чтобы занять перерывы между короткими рабочими днями, поговорить было особо не с кем.

– Одна живешь? – начал Икар.

– Да. Ты, как я понимаю, тоже.

Икар хотел ответить, что «да», но решил, что это, видимо, снова не вопрос.

– А ты давно здесь? – спросил он, – Ну, на Хити.

– Лет сто, не меньше, сбилась со счета. Тут все так быстро.

Такие короткие года.

– Да уж, – согласился Икар.

– Здесь стало тесно, они всё принимают и принимают.

Ну..., – Энсемьпяттьтриноля поднялась с кровати и подошла к пузырю окна, встав рядом с Икаром, – последние пару лет никого нового. Последнее, что слышала на эту тему, была новость про этих... не помню, как они там официально... у нас зовут их пожирателями.

– Да? Пожиратели? И что они пожирают?

– Не знаю, – широко улыбнулась Энсемьпяттьтриноля, – надеюсь не наших.

Икар тоже улыбнулся, только намного осторожней.

– Пожиратели, жутко прям. И как они принимают кого-то с таким именем? – спросил Икар.

– Ты же знаешь, они всех принимают. Они никого не боятся.

– И после этих... что? Никого?

– Никого.

– Надо же, – поежился Икар, – как-то даже грустно. Неужели всё? Неужели это всё, что осталось?

– А тебе мало? – удивилась Энсемьпятътриноля, поднимая глаза на Икара.

Какая же она красивая, подумал Икар, невероятная, сногшибательная. Хочется оставить у себя и разглядывать, разглядывать...

– Нет, – проямлил он, – но все равно... немного грустно.

– Грустно.

Икар снова не понял, вопрос это или нет, и решил промолчать.

– Ты тоже здесь один?

– Нет, у меня есть близнец, Иван, он тоже на Хити, только не в этом районе, он всегда в разных, потому что работает экспедитором. С ним почти никогда нет связи, мотается то там, то сям, так что считай, что вроде и есть брат, но как будто его и нет. Даже не помню, когда виделся с ним последний раз...

Все это время, пока Икар говорил, он смотрел в окно на носившиеся среди мерцающих колонн искрящиеся дроны, и

не обратил внимание, что глаза Энсемьпятътриноля раскрылись еще шире, так широко, как еще ни разу не раскрывались. И когда он снова к ней повернулся – она уже не показалась ему такой красивой.

– Что такое? – спросил Икар, чувствуя, как пересохло у него во рту.

– Близнец? – кривясь спросила Энсемьпятътриноля, и на этот раз это был явный вопрос. – Ты сказал близнец?

Икар растерялся, в голову ударила кровь, мысли забежали и засуетились так, словно он попался на чем-то нехорошем, и этот её безумный взгляд: с удивлением, с сомнением, с чувством нависшего над ней предательства, со страхом. К счастью, за окном мелькнул пятнистый бок такси. Значит, у нее всего пара минут, чтобы собраться и уйти, иначе ей упадёт штраф и понижение приоритета, на это она не пойдёт. Но этот ее пронизывающий взгляд, которым она начала стрелять по Икару, забираясь в самые непрозрачные уголки, и поднимая со дна памяти все, какие у нее были воспоминания о нем, поднимая для повторного осмотра и разбора... сейчас она начнет анализировать всё, что про него успела узнать, все их встречи, все его слова, его жесты, взгляды, движения, – всё, вообще всё... Икар жутко боялся, что рано или поздно это произойдет, и тогда он попадётся ей на своём вранье. Она его раскусит. Разгадает обязательно – и тогда... что будет тогда, он не знал. Женщина бросается на загадку, словно изголодавшийся хищник на беспомощную до-

бычу, но всякий раз поступает с ней по-разному. А как бы ему хотелось снова ее увидеть, снова потрогать, погладить... полюбить её.

– Близнец, – повторила она страшным голосом, пятась от него к лежавшей на кровати сумочке. – Иван?!

Теперь она рассматривала его целиком, с ног до головы, и Икару показалось, что он стоит перед ней не просто голый, но даже без шерсти и без кожи. Энсемьпятътриноля схватила сумочку и медленно, словно плывя во сне, направилась к причальной платформе.

Ну же... не тормози, молил ее Икар, садись в такси и забудь, потом будет проще, напишу, что оговорился... придумаю что-нибудь... что-нибудь точно придумаю...

Энсемьпятътриноля прошла к платформе... дверь перед ней открылась, она шагнула в салон, и обернувшись, с отворачиванием спросила, словно обо всем уже догадалась:

– Кто ты?

Её лицо покрывала тень. Икар похолодел. Дверь закрылась. Такси медленно отползло от причала, и, набирая скорость, полетело прочь. Он проводил его взглядом, опустил внешнюю заслонку и разбито поплёлся в ванную. На миг ему показалось, что в её взгляде было прощение, понимание того, зачем он это делает, и истинной причины его наивной безобидности, но как знать... Никогда нельзя быть уверенным в том, что говорят женщины, и о чем они думают. Они и сами, пожалуй, этого не знают.

Он встал перед зеркалом, вздохнул, провел рукой по вибриссам, приподнял небольшие мохнатые ушки, почти такие же шерстяные и бархатные, как и у Энсемьпяттьтриноля, и произнёс с какой-то горькой, протестующей гордостью:

– Я – человек.

276 – 375

{#276}

Ну что, соскучились? Да, давно я не писал. Не о чем было на самом-то деле. Время летит быстрее, чем наш дорогой шарик. Так вот, раз уж теперь все знают и на ушах стоят от радости, я тоже напишу. Мне, если честно, будет не хватать этой жизни. Да, родители говорят, что там будет настоящее небо и настоящее солнце, но я ни разу не видел ни того ни другого, так что наши местные – меня вполне устраивают. Там еще говорят будет погода – эй, кто знает, что это? Если это не самая приятная вещь на свете, как говорит отец, зачем она нужна? Что в ней хорошего? Пофиг, мне нравится шарик, мне даже нравится его название. Короче, я – против настоящего солнца.

{#277}

Вчера после школы сгоняли с братом в один магазин пятой секции, ну вы знаете, там где такие смешные круглолицые человечки. Затарились прикольным шмотом, зацените прикид (фото). Да, у них там как-то всё веселее, чем у нас, всё мигает, двигается, надписи кругом разноцветные, вообще не так скучно, как у нас, жаль только, что я только их закорючки не понимаю. Ну и говорят они забавно. А, ну и конечно, у них тоже прямо истерика на тему приближения

к настоящей звезде. Че такого, народ, че вы все с ума посходили?

{#278}

Почитал тут ваши комменты... эээ... а кто сказал, что нам достанется целая планета? Вы если к кому-то в квартиру напроситесь, вам разве сразу так и подарят целую комнату? Что за бред? Я думаю так не проканаает, комнату придётся либо выкупить, либо отжать. Не знаю, как там насчет первого, а вот со вторым за нами, похоже, не заржавеет. Отец говорит, если придётся – мы кого хочешь в два счета и все дела... Сил, говорит, у нас достаточно. Но я, если что, за мир и дружбу, и против погоды.

{#279}

Вчера как накаркал – сегодня нас водили всем классом на военный завод. Круто, мощно... но я ни черта не понял, спасибо Ола-оле с её этими самыми... девчачьими глупостями... ну вы знаете. А также двум дебилам из параллельного, не знаю, как вас там зовут, парни, но вы ржали, как те мерзкие твари из зоопарка на седьмом. Кстати, этот самый зоопарк – самое вонючее место на шарике, по-моему. Не ходите туда, братцы. Хотя... как туда не пойдёшь, если завучу эта идея прожёт мозг посильнее самого жесткого гамма-излучения. Короче, завод какой-то военной хрени у нас на шарике типа норм. Ставлю пять.

{#280}

Вдруг осознал, что совсем скоро выпускной. Прощай родная школа, привет физмат. Да, парни, я уже выбрал. Физика! Только физика! Физика – это всё!

Кто знает, что с переводчиком с крякозябрского? У нас тут чего-то не грузится, а без него никак не могу раскодить инструкцию к одному прикольному датчику. Прикупил тут заодно у круглолицых из пятой секции. Кнопочек много разных, а как включить не понятно. Уже все перенажимал в разных комбинациях, а толку никакого. Станный народ. Хотя, конечно, до черномазых с обратки им еще далеко.

{#281}

Благодаря вам, друзья, вчера я узнал, что кракозябры оказывается бывают разные. Те, что у меня – японские. А бывают еще китайские, корейские, арабские и всякие какие-то прочие... Спасибо вам за разъяснения, конечно, но легче не стало. Локальный словарь всё равно не раскрывается, так что подожду, когда отлипнет общий. Кстати, ваши предки тоже дёргаются с последних новостей, как будто через них ток пропускают, или это только у меня они такие?

{#282}

Снова долго не писал, по понятным причинам. Чертова барокамера! Поганный гравитационный зал! Я и представить

не мог, что в нашей занюханной школе всё это имеется – собственная пыточная. О, сколько нам открытий чудных... готовит завуча недуг. Меня, если честно, этот бред взрослых с их типа «настоящей планетой» окончательно достал. И не надо к ней готовиться. У меня от этой подготовки... с утра до вечера кости ломит, и башка трещит, как дозиметр в районе центрального реактора. Надеюсь, через сто двадцать циклов, или сколько там еще, что-нибудь изменится, и мы всё же останемся на своём шарике. Нет, парни, я тоже смотрю в иллюминаторы. Хотя раньше они казались мне просто нарисованными, черными непрозрачными пятнами на полу, а теперь смотрю – красиво, блин! Ну вот прям очень красиво. Но только пусть оно там снаружи и остаётся красивым. Ха, родители даже коврики поубирали, под некоторыми оказывается тоже были иллюминаторы, а я и не знал. Мне всегда казалось, что они на стенах, а на стенах оказывается экраны, а настоящие иллюминаторы у нас под ногами, в полу. Короче так – хочу, чтобы наши просто заняли какую-нибудь орбитку и успокоились. Мне нравится шарик, мне хорошо здесь, я не хочу какого-то типа настоящего Солнца, какой-то загадочной «земной тверди», каких-то там деревьев, и зверья, от которого воняет хоть вешайся, ну и погоды, конечно, не хочу отдельно – ветер, дождь... эй, люди, что за дичь, вы серьёзно? ЗАЧЕМ?! Чем вам не угодило Солнце?? на внешнем слое, чем оно не настоящее? Фотоны те же, излучение то же, да оно вообще почти идеальное, хотя поляризацию я бы

убрал и ультрафиолет подрезал, но в остальном же порядок. Короче... не пойму я этот наш Совет Капитанов.

Короче, тут вроде переводчик отлип, пошел читать китайскую инструкцию. Или японскую... да пофиг.

{#283}

Узнал, что через сотню циклов мы только начнём торможение на очень вытянутой эллиптической орбите. У меня прямо отлегло. А до полного торможения и выхода на орбиту контакта – ух ты – еще пять тысяч циклов. Вот тут прям повторно отлегло... А там, кто знает, может и передумают.

А еще тут на днях я немного подправил свой китайский датчик и, кажется, сломал. Он теперь несёт какой-то чокнутый бред. И вот ведь облом – уже не сдашь назад и не поменяешь. Узкоглазые вмиг раскусят перепрошивочку. Попробую загнать жлобам с обратки, правда, туда добираться ох, ё... да и одному – не охота.

{#284 ... #322}

{#323}

Спасибо всем за поздравления. Стареем, стареем. Представьте, отец подарил мне пистолет. Да! Тот самый, который ему подарил его отец, когда моему отцу стукнуло 22 года, что примерно равняется моим вчерашним 80.00 ОВДС. Так что, мужики, у меня теперь есть собственное огнестрельное

оружие. И знаете – это круто. Неожиданные чувства возникают. Энергия в нём, как будто. На нём выбит год, не поверите – тот самый год. Охренеть! Последний год Земли.

Теперь я, кажется, стал немного понимать своего старика, и почему он сделал то, что сделал. И почему стал тем, кем стал.

{#324}

На прошлой неделе мне, наконец, удалось систематизировать данные с «ПНЭ-1». Я составил карту небольшого участка космического пространства с разрешением в одну угловую секунду. Ну да, не слишком точно, но результат всё равно хороший. Отнес своему научному руководителю. Теперь для защиты надо сертифицировать мой прибор. И в этом проблема, потому что в основе его лежит какой-то старый китайский МК-датчик, а инструкцию к нему я посеял. Но даже если бы она и была, там еще сотня прошивок сверху... как всё это описывать на защите... разве что «уф-уф» и при этом скакать как алхимик с обратки. Но я же будущий физик – стратегия защиты должна быть другой. Короче, есть среди вас спецы на тему квантового копирования и алгоритмической декомпиляции управляющих РМ-блоков типа КС-235-МР-3 с УДЧ-16 или УДЧ-18? Напишите, пожалуйста, в личку. Очень, очень нужна ваша помощь.

{#325 ... #355}

{#356}

Вчера заметил в иллюминаторе, насколько Система стала ярче. Ярче и ближе. Наверное, даже невооруженным глазом можно разглядеть в её центре оранжевую звезду. Непривычно. Все наши солнца традиционно желтые. А эта – другая.

У меня сегодня защита. Пожелайте чего-нибудь похуже. И к черту вас всех, к черту!

{#357}

Братцы, поздравьте меня! Всех люблю, обнимаю. Ха! А кафедру физики – с новым гениальным ученым! Дашь ПНЭ-2! Да здравствуют звёзды! Черные дыры? Н-э-э-э-э... Это, братцы, другое. Д-ру-го-э. Но мы выясним! Наш долг – природу победить, и в небо разум устремить... забыл как там дальше... ну и... пофиг. Сейчас – Ура!

{#358}

Сегодня в 7 на стадионе «Доминион» концерт «Ундоса». Мы с Ола-олой идём.

А теперь быстро – кто с нами!

Ну?!

Дэфы только не забудьте, «Ундосы» шарашат в четкую, на лермиончиках. Мало не покажется.

{#359}

Так, со мной всё в порядке. Небольшая трещина большой берцовой кости на левой ноге. Мне прилепили там какой-то датчик, делов-то. Живу, хожу. А вот мой карт буквально рассыпался. Скафандр выручил, и, если бы не детектор частиц ДЧ-20992-ФИС, торчащий из обшивки нашего любимого шарика каждые сто метров, то и с ногой у меня всё было бы в порядке. Кстати, эти ДЧ давно пора демонтировать ко всем чертям, потому что устарели еще когда «я под стол пешком ходил». А так, из-за этой хреновины у меня трещина. Но! Картинг – это тема, давно мечтал в космосе погонять, да всё никак. Вот, теперь погонял. Такая там внизу красота! Сам, конечно, виноват, засмотрелся. Система – это очень мощно, самое крутое, что я когда-либо видел. Она кстати будет так хорошо видна совсем недолго, шарик делает виток, и мы снова уходим в афелий, а следующее такое сближение примерно через сто циклов. Так что спешите, друзья мои, только будьте осторожней. Не как я.

{#360}

Мы тормозим, тормозим, мы очень медленно тормозим. И это хорошо. Последнее время меня бесят те, кто требует тормозить быстрее. Бесят в первую очередь потому, что они не понимают элементарной физики. Вот вам статья – читайте, там всё просто и понятно. Ах, ах, какие-то Сипаклы – они явились позже нас, а уже сидят на круговой орбите, хотя летели быстрее с другого конца Вселенной. Во-первых, у

Вселенной нет конца – она бесконечна, так что они просто прилетели. Во-вторых, они летели не на шарообразном объекте, как мы, а на блинообразном. И сам этот их объект на несколько порядков меньшего размера, и на нём можно поддерживать искусственную гравитацию с помощью обычного ускорения. Поэтому при торможении, они просто перевернули свой блин и дали по тормозам. Мы не можем так сделать хотя бы потому, что у нас больше масса, и она распределена сферически, то есть, если мы сделаем как Сипаклы, Энджи разрушится, превратившись в пончик. Ведь мы же помним про центральный реактор, вокруг которого поддерживается электродинамический вакуум. Если так тормозить – он сначала схлопнется, а потом взорвётся. Так что выкиньте из головы всякий бред. У нас тупо другая физика. А то, что Сипаклы похожи на рептилий – это вообще ни при чем. Кстати, вы же видели этот ужас? Я про тварей, что населяют Систему. Черт, да кто, вообще, в здравом уме захочет делить с таким вонючим зоопарком одну планету? Эй, там, в Совете Капитанов, да загляните уже в этот чертов «Справочник видов»! Оно нам надо?! Мне – точно нет. Нам надо либо свою собственную отдельную планету, причем достаточно большую, либо вообще не вылезать из шарика. Если что – я за второе. Потому что первое, как говорит мой отец, скорее всего, закончится плохо.

А я не пойду на выборы потому что все Капитаны говорят одно и то же. Какой смысл голосовать? Я против всех.

{#362}

Недавно были в гостях у родителей Ола-олы, с другими их друзьями, которые, как узнали, что я «занимаюсь физикой» (я вообще-то не просто занимаюсь физикой, я – физик!), взялись бомбить меня нелепыми вопросами. Сперва я думал, они шутят, потому что мне казалось, есть очевидные вещи, какие-то базовые знания, которые люди получают еще в школе. Но, видимо, не все получают, или они прогуливали, или болели, или школа у них какая-то другая была, но как бы там ни было, мне с удивительным интересом задавали самые примитивные вопросы.

Почему мы летим именно к Аури, когда вокруг полно других звёзд?

Потому что все другие звёзды, которые мы видим – мертвы.

Почему же они светят?

Потому что свет перемещается в пространстве со скоростью, обусловленной частотой мерцания этого пространства. Эта величина конечна. И тот свет, который мы сейчас видим, звезда излучала еще до своей гибели.

Откуда тогда мы знаем, что она погибла?

Мы знаем об этом благодаря информатору Рюминэ. Он содержится в каждом дисперсе пространства и хранит ин-

формацию о всех других информаторах Вселенной. Собственно, этот дисперс и есть информатор Рюминэ. Знаю, да... это самый сложный момент объяснения, и на нём собеседник обычно округляет глаза или посмеивается. Все же знают, что Вселенная бесконечна. Так и есть, она бесконечна, и ровно также бесконечна ёмкость информатора Рюминэ.

Как такое может быть?

Согласен, представить сложно, особенно человеку, впадающему в ступор еще при первых звуках объяснения общей теории относительности. Вы могли бы обратиться к Инфополю, поискать там, найти и углубиться в тему. Прочитать сотню другую научных статей и не разобраться в этом даже наполовину. Даже на десятую. И в этом нет ничего необычного. Рюминэ, открывшее всё это, не человек, а искусственное кибернетическое существо с мощнейшим разумом. Когда оно совместило наблюдения и знания по всем наукам, в том числе по биологии, химии, физики и космогонии, то обнаружило, что в каждой частице пространства – в том самом «дисперсе», содержится некий объект вроде биохимической молекулы ДНК. Затем оно вычислило, что каждая такая частица пространства – это и есть всё пространство. То есть, Вселенная – это часть самой себя. Она состоит из бесконечного количества собственных копий, чем и объясняется её физическая бесконечность. Однако каждая копия незначительно отличается от всех остальных, у неё есть нечто вроде порядкового номера, характеризующего время её возникнове-

ния, и этот номер уникален, что, следовательно, делает уникальным и саму частицу, а нам даёт возможность очень точной навигации в космосе, потому что является единственной и абсолютной координатой точки в космическом пространстве. А сам космос – это огромный массив таких уникальных точек, именно это и есть то самое трехмерное пространство, в котором мы можем перемещаться, где время – это показатель того, в каком из информаторов Рюминэ мы в данный момент находимся, то есть, какой из них сейчас является для нас актуальной Вселенной.

Так вот, взяв всего один такой информатор, совершенно любой, из любой точки реального пространства, и расшифровав его, мы с абсолютной точностью получим сведения обо всех населяющих Вселенную объектах, которых, что удивительно, всё же конечное количество (потому что Вселенная бесконечна не в пространственном понимании, а в физическом). Ну и конечно, приложив определённые усилия, по информатору Рюминэ мы способны вычислить, где (и когда) мы находимся среди всех этих звёзд, галактик, метagalактик и скоплений галактических кластеров. Что само по себе весьма полезно для космических перелётов, потому что представляет единую для всего реального пространства систему координат. Универсальную и совершенно естественную.

Так откуда мы знаем, что звёзды мертвы?

Мы знаем это из информаторов Рюминэ. Где увидеть лю-

бой объект можно не через миллиарды парсек расстояния, и не по отстающему от времени свету, а ровно такими, какими они существуют в момент наблюдения, т.е. одновременно с нами. Так мы узнали, что по каким-то непонятным причинам, вселенная вымерла, причем достаточно быстро, по астрономическим меркам вообще мгновенно. Однако, нам повезло, мы в последний момент успели спастись, и прямо сейчас приближаемся к последней уцелевшей звезде – Аури. Почему она единственная еще жива – мы пока не знаем.

Идём дальше.

Зачем мы летим к Аури, и почему нам не живётся спокойно в космосе, ведь у нас всё есть: топлива кругом полно, любых ресурсов, кислорода, водорода, тяжелых элементов и даже воды?

Затем, что космическое излучение вовсе не помогает нам жить, оно нас убивает, несмотря на все наши силовые поля, фильтры, декогерирующие источники, пассивную и активную защиты. Мы увы бессильны против того, что излучает космос, в то время как даже самая небольшая звезда с лёгкостью разгоняет всё это сильнейшим потоком собственного излучения, называемым «солнечный ветер». Мы, люди, родились и выросли у звезды, что же удивительного в том, что звездный ветер не так смертелен для нас, как космическое излучение.

На этом пока всё. Устал я чего-то...

К нам сегодня заходили сектанты, утверждали, что над сто седьмым этажом обитает властитель и повелитель всего сущего или кто-то подобный... но тем, кто в него не верит, не дано подняться к нему и познать его. Забавно, они верят, что под нами пекло, ад или что-то еще в таком роде, а не совершенно пустой и мёртвый космос. Не считая Системы, разумеется. Пришлось объяснить им, как устроен наш любимый шарик. И откуда, вообще, берутся такие неучи, вы бы видели эти сизые рожи, с презрением и надменностью на меня взиравшие. Я сказал им, что над нами не сто тридцать семь, а пятьсот двадцать три этажа и что последние сорок три называются этажами условно, потому что это не этажи, а энергоёмкие сферы Браудера-Маклавски толщиной в сотню метров каждая. Без них мы бы просто сгорели от излучения, а пепел наш унесло бы в космос, в самую его глубину. Еще объяснил, что наш шарик вращается, и центробежная сила, возникающая при этом вращении, очень похожа на гравитацию. Но поскольку она действует по направлению от реактора, космос оказывается у нас под ногами. И это забавно. Пустота и бездна внизу. В космос не надо подниматься, как было раньше, когда мы жили на планете, но туда за просто можно упасть. И упасть навсегда. Как бы утонуть. Но сектантам мои объяснения не понравились. Ушли расстроенные, но веселые. Какой же беспорядок у некоторых в голове. Или пустота. Даже не знаю, что из этого хуже. Теперь

вот жалею, что потратил на них свое время. Лучше бы под кроватью прибрал или с применением Д-чисел разобрался.

{#364}

Мне всегда нравился Хотака, кто бы там что про него не молол. Даже внешне – эти усы и борода, которые у круглолицых обычно не растут, и все его идеи я, конечно, никогда не поддерживал, это даже в принципе сложно, не только с политиками, но и вообще. Абсолютно во всём можно быть согласным только с самим собой, да и то не всегда. Так что я поддерживал скорее его идейный вектор. В том смысле, что нам достаточно прибыть в Систему и закрепиться в ней на собственном шарике. Он хоть и искусственный, но для жизни приспособлен идеально, лучше любой настоящей планеты. Поднять электромагнитное поле, обустроить орбиту, наладить связи с теми, кто здесь уже есть и, используя все преимущества настоящей звезды, её энергию и защиту от космического излучения, заняться фундаментальными физическими исследованиями. Перед нами стоит очень много важных вопросов... мы бы могли даже построить вторую Энджи, собрав её с шариком в двойную систему, или даже тройную, как пойдёт. Или даже зажечь собственную звезду. Но пару циклов назад я вдохновился идеями другого Капитана. Перевернутым миром настоящей планеты и тем, например, что и я сам и мои дети смогут оказаться в реальности, странной, немыслимой на шарике, но так знакомой нашим вели-

ким предкам, чьи картины, книги и фильмы мы смотрели и читали в детстве. Кроме этого, как верно подметил Ив Де Бовард, и тут я, как физик, с ним полностью согласен – излучение центрального реактора не блокируется полностью. А километры этажей, перегородок, укреплений и фильтров у нас над головами совсем не похожи на небо. Радиация от реактора убивает нас тоже, просто медленней.

{#365}

Удивительное дело, отец никогда не рассказывал нам о Земле, о том, как они жили до Старта. Ну да, я всё узнал и так, примерно, но я никогда не думал, что всё это может рассказать мой собственный отец. Про моря, например, про эти огромные бескрайние пространства, покрытые водой, над которыми простираются тысячи кубических километров заполненного воздухом объема. Я читал об этом и видел в фильмах, но никогда не представлял себе это так близко и так явно, как тогда, когда мне рассказывал об этом отец. Ведь он жил там, и он помнит всё сам, как мог часами перемещаться на собственном транспорте в одну сторону из одного города (город – обособленный жилой кластер) до другого по специально подготовленной для этого поверхности или по воздуху. И все это время вокруг него располагались поля (условно необитаемые пространства) до самого горизонта, который, к слову, простирался на десяток километров, соответственно размерам планеты. И вот я предста-

вил себе все это и не поверил самому себе. В том, что это невероятное огромное пространство может вместить и меня тоже. Что я могу сам оказаться в этой древней фантастической реальности. Своим телом, своим разумом, стоя на своих ногах. И у меня над головой может светить огромная яркая звезда. Свет её будет согревать меня днем. А ночью – надо мной будут мерцать звёзды. И что я буду воображать, будто они падают на меня... а не бояться, что сам упаду на них, если забуду пристегнуть страховочный фал или зарядить маневровые двигатели скафандра КСМК-117В.

{#366}

Мужики, всё! Теперь мы с Ола-олой официально муж и жена.

Как-то так.

Прощайте дивные стройные кисы! Не валяться мне с вами на диванчиках! Не пастись с вами в романтический железных! Не получать от вас утренние чмоки, чмяки, флёпы и шляфы!

Хотя, кого я обманываю?

С тех пор, как мы с Ола-олой вместе, всё это было лишь однажды – в те семьдесят шесть циклов нашего Большого Противостояния, когда она чуть не вышла замуж за главаря каких-то сине-зелёных упырей с обратки, а я не провёл неделю в медотсеке с подозрением на не-скажу-что.

Но вот мы формализовались, и скоро у нас будет свой соб-

ственный отдельный, независимый, не совмещенный с родительским, жилой отсек категории ЖО-5. Правда, есть подозрение, что не в Ретире. Да и не важно, главное свой. Мало что ли на шарике красивых районов?

{#367}

Самое неприятное в жизни – это смена обстановки. С одной стороны, хорошо – независимость и полные права на холодильник, с другой – всякую мелочь приходится искать и не находить, потому что её просто нет. Потому что ты её еще не купил. Ни одну, ни разу. Вот взять, например, полотенца – никогда бы не подумал, что их просто может не быть. У родителей они были всегда и всюду, маленькие и большие, когда нужно и когда не нужно, сухие, влажные, дезинфицирующие, самоочищающиеся и одноразовые, красные, синие, в пятнышках, с котиками, прозрачные – просто везде. А приходишь в свой новый прекрасный, чистый и главное – собственный дом, а в нём нет ни одного даже самого серенького полотенца. И таких мелочей – вся квартира. А кроме этого, мы теперь ближе к экватору и тут сильнее притяжение. И радиация. У нас теперь тридцать пятый этаж. Не самое поганое место на шарике, и далеко не обратка с её уродами, но я уже скучаю по иллюминаторам. Без них как-то непривычно. Но вот такое жильё выдают у нас молодым семьям, да. С другой стороны – мы с Ола-олой только теперь по-настоящему вместе, и по-настоящему вдвоём. Хотя за стенами всё

время что-то бухает и гудит, и это немного бесит. Ну, надеюсь мы вернёмся в родную Ретиру. Надеюсь, что скоро. Для этого надо много и хорошо работать. Чем, кстати, я теперь и занимаюсь.

{#368}

Поздравьте, мои исследования сертифицировали для внесения в базу новейших знаний Викэ. Если вы не в курсе, это вспомогательный искусственный разум по части хранения и проверки научных исследований и всего такого. Через пару циклов, если оно не найдёт противоречий со знаниями из других областей физики, а также по смежным областям математики, химии (и, о боже, – истории!), моя работа переместится в активный стек новейших знаний, куда имеет доступ само Рюминэ. Со всеми вытекающими из этого положительными для меня выводами. О-хо-хо! Я так надеюсь, что положительными, но там, кто знает... Полученные результаты весьма странны.

Дело в том, что все мёртвые звёзды выдают в реальное пространство массу остаточного излучения. Там может быть всё, почти весь спектр, но вот в пространстве дисперса, то есть в самих информаторах Рюминэ, ранее мы ничего значительного не наблюдаем. Там есть что-то, но в сравнении с живыми звёздами – исчезающе малые величины какого-то остаточного мерцания. И вот недавно нам удалось выявить (с помощью моего «ПНЭ-2», кстати) еще один вид излуче-

ния. Его раньше не замечали, относя к фоновому, но мы доказали, что оно имеет дискретные источники, просто их так много, что для всех прочих датчиков, кроме нашей ПНЭхи, они смешиваются в одно среднее значение, потому что им не хватает разрешающей способности (ох, как же я надеюсь, что вы знаете что такое разрешающая способность), по ней наша ПНЭха бьёт их как тапка таракана, так что становится очевидно, что туманности излучают меньше, а звёзды – больше, а от черных дыр, квазаров, активных ядер, пульсаров и всего прочего, к чему раньше невозможно было даже приблизиться – излучения прямо вот очень много. Но разрешение фонового излучения Фоксибри-Лео – это всё, конечно, мелочи. Открытие заключается в другом: это излучение идёт от всех без исключения объектов, включая даже те, что в видимой реальности уже физически не существуют. Другими словами, – в реальности дисперса, на уровне информаторов Рюминэ, на месте разлетевшейся в пух и прах звезды находится достаточно яркий и плотный источник излучения, как будто звезда на этом месте всё еще существует.

Мы назвали это «призрачным спектром».

И вот этот «призрачный спектр» – настоящее открытие и загадка! Новый вызов науке! Представьте на секунду, особенно если вы еще помните времена до Старта – если бы человеческий глаз мог различать этот свет – вы бы увидели Солнце, наш прежний мир – Землю, Луну, Марс... всё что исчезло, но как будто всё еще существует. Где-то. И не в про-

шлом, а прямо сейчас.

{#369}

Черт, как же тяжело бывает просто жить. Столько мелочей, о которых надо помнить. Столько мелких дел, которые надо сделать. Каждый цикл, каждый, и почти всегда одно и то же. И до чего же всё медленно происходит. И всё кругом такое непривычно тяжелое. Ретира, моя Ретира... кажется, мне до тебя сейчас, как гравитону до бесконечности... Но ничего, у моих родителей получилось – и у меня получится. Даже круче!

Викэ отшило мои исследования. «Несовместимость с математическим аппаратом теории гиперструн». Согласен, с математикой у нас было не очень, но и теория гиперструн, как я помню, принята лишь частично. Да и откуда они вообще выкопали это старьё! При чем тут это? Черт! Теперь вот ищем яркого математика в команду. Викэ выдало нам сотню циклов на «приведение в соответствие». Сто циклов. Как мало для математики, но как же долго для жизни в этом мерзком Сэтоцхе-35. Фу, даже название у моего района какое-то гадкое.

{#370}

Да, я жив, со мной всё в порядке. Ола-олу почти выписали, и с ней тоже всё отлично. Близнецы в норме. В своей бледно-розово-синей новорожденной норме. Я хотел назвать

их численным методом, но Ола-ола не дала. Назвали Икаром и Иваном, и теперь у нас трое. А всего нас пятеро. До следующего простого числа надо завести еще двух.

{#371}

Всегда думал, что это левые бредни, но оказалось, что шарик действительно переполнен. И нам уже не хватает воды, она всё дороже, и воздуха... а на самых дальних окрестностях Системы, где мы сейчас проходим, особенно жесткие лучи, так что теперь даже с сетью началась какая-то чертовщина. Конечно, я, как и все, надеюсь, что всё это временно, и всё устаканится, как говорит мой отец, и на близкой орбите будет достаточно энергии, даже несмотря на сферу Дайсона, про которую вы тут все недавно узнали. (Ха-ха, а я знал про неё с самого начала). В конце концов она не полная, мподы оставили в ней достаточно широкую щель, так что жить можно. К тому же, может быть вы тоже читаете Новостэ, оно там сообщило, что мподы подошли вплотную к некому научному прорыву... Было бы здорово. Нам вот так и не удалось зажечь ни одной звезды. Так чтобы не остывала со временем и не взрывалась, стабильно излучала в нужном диапазоне... тут, как я понимаю, должна быть какая-то хитрость со временем. Посмотрим.

{#372}

Сегодня я понял, зачем нам планета. Моей маме было

Отец отказался от реакторного захоронения, сказал, что центральный реактор «вовсе не над нами, и мама не «будет светить нам вечно», как врёт «чертов поп», а «просто сгорит». Сказал, что над головой у нас – космос, и мы отправим её «на небеса». Что «так было всегда» и он уверен, что «так оно и будет». И что вся эта «дурацкая вверхтормашечная жизнь» скоро закончится.

Мы попрощались с мамой.

{#373}

Были у отца. Он долго возился с близнецами. Но так и не научился их различать. Ола-ола хороша, конечно – одела их одинаково, мелкий тролль. Отец попросил в следующий раз сделать им нашивки, вроде тех, что у них на флоте. Подписать кто – кто, ну и группу крови до кучи. Отличная идея, я и сам часто путаю, но вот с кровью, мне кажется, уже перебор.

{#374}

Вы, конечно, знаете, что наши тут чего-то затевают. Все эти учения, стрельбы... таскались на какой-то астероид, затем объявили, что тот астероид недостаточно крупный, и полезли на другой. Короче, мой отец подал рапорт и снова служит. При штабе, разумеется, но боевым инструктором. Как это? – я тоже не понимаю. Так что не спрашивайте. В любом случае, для него это хорошо, а то ходил после смерти мамы,

как тень от лаборанта в эксперименте по М-теории, даже состарился как будто на пару другую тысяч. А подал рапорт, вздрючил, видимо, каких-то прыщавых курсантов, и сразу оживился, порозовел, бороду свою пиратскую выбрил, тщательно, до красноты – другой человек. Без мамы нам всем было тяжело. Но время идёт, и мы должны идти вместе с ним. Да мы и не можем иначе. Так что мой старик снова «на крыле» и это радует. Не радует, однако, что уж очень много других наших вояк пристроилось заодно с ним. «Учения» у них, значит. На астероиде. Ну да... Вот гадом буду – эти черти там высадку отрабатывали. И если так, то я просто не понимаю, что там в головах у Совета Капитанов? Выбирали же нормальных...

{#375}

Да черт меня дери, мы познали самые глубокие тайны мира, мы погрузились в мнимые пространства, мы прилетели в другую галактику, но до сих пор не можем справиться с каким-то грёбаным раком! Здесь есть медики? Есть? Слушайте – вас надо выкинуть с шарика к черту, ваша наука – бессмысленна. И вы вместе с ней! Всё, чему вы научились за миллионы лет эволюции – это брать вонючие анализы и кое-как вырезать аппендикс! Грипп уже тысячу лет смеется над вашей беспомощностью! Решили замучить его смехом? Сколько еще фильтров, экранов и щитов мы должны поднимать?! Сколько энергии должны забрать у системы генера-

ции воздуха и воды, у систем утилизации... у заводов, грузовых систем, транспортеров, сетей... сколько? Чтобы вам не пришлось снова и снова «бороться с раком», и просирать ему в очередной раз?! Грёбанные бездари!!!

Если у Ола-олы найдут рак – клянусь – обратка вам покажется раем!

Иван готовился к убийству Бодакурра Тсуфдрака гораздо дольше, чем планировал. Дело в том, что вид, к которому относился Бодакурр имел одну весьма неприятную особенность. Ивану пришлось перепахать километры бесконечного, уходящего вниз текста, чтобы в конце концов добыть для себя одну простую, и без чужих соплей понятную истину – халявы не будет. Собственно, поэтому и цена за него была настолько привлекательной.

Бодакурр, как и многие на Хити, был далеко не местным, и, если бы сами мподы, коим принадлежал город и планета, были хоть немного похожи на гуманоидов или, на худой конец, на млекопитающих, они бы наверняка предотвратили появление в этом месте такого отвратительного создания, как Бодакурр Тсуфдрак. Потому что вид его, с точки зрения человека, выглядел настолько неприлично зверски, что у Ивана мурашки бегали по спине едва ли не всякий раз, когда он смотрел про него фильмы или встречал на изображениях. Однако теперь Ивану предстояло этого Бодакурра не только выследить и умертвить, но и сделать это наименее технологичным из способов. Бодакурр Тсуфдрак был похож на огромного inferнального хищника, наподобие того, что много раз пытались изобразить в разных выдуманных ужасах, чтобы задействовать скрытые в человеке, при-

прятанные в его генной памяти страхи. И почти всё, что таилось в этих страхах, как на заказ, являлось Ивану наяву в персоне Бодакурра Тсуфдрака, выходца с планеты Миктлан, принадлежавшего к виду членокостных оксуломорфов. Огромная зубастая челюсть с массивными, подвижными и скользкими от густой зелёной слюны клыками, и морда, вся в костяных наростах, между которыми в погребальном мраке глубоких складок прятались многочисленные черные глаза, в большинстве своём ложные. Причем какие именно были настоящими, а какие нет, не знал даже сам их владелец. Иван выведал, что нынешние представители этого вида обращаются за этой информацией к специалистам. Но не все, конечно, только те, кому от денег припекает. Вроде как по расположению настоящих и ложных глаз можно каким-то образом выяснить родословную индивида. Зачем-то им это было нужно. Ивана глаза интересовали лишь отчасти. В рамках изучения характера и возможного поведения цели.

Первым и самым простым способом уничтожения Бодакурра Тсуфдрака был старый проверенный выстрел. Но этот привлекательный способ сразу же пришлось отменить, по причине того, что любой выстрел, независимо от того в открытом или закрытом пространстве он происходил, приводил к выделению некоторой энергии, что мгновенно обнаруживалось городскими полицейскими дронами, шнырявшими всюду по непредсказуемым траекториям. Отравление тоже пришлось отменить – процесс потребления пищи входил в

число самых интимных событий жизни оксуломорфов и был настолько плохо изучен, что даже справочники расходились в описании того, как именно он происходит.

При этом, несмотря на свою зверскую внешность, оксуломорфы были невероятно культурными существами. Ну или народами, которых, как выяснил Иван, у оксуломорфов тоже было немало.

Ловушка тоже не подходила – внешний покров, у Ивана не поднимался язык называть это кожей, у членокостных состоял из частично подвижных костяных пластин, приходящих в движение в случае опасности. Из чего состояли сами кости, Иван не особенно разобрался, но пробить капсулу, в которую они превратили бы напуганного западнѣй Бодаекурра было невозможно. А из темноты своего непрошибаемого домика, вполне себе живой Бодаекурр Тсуфдрак мог запросто вызвать подмогу или трубить по всем бытовым каналам о злонамеренном нападении. А это – снова излучение. Смотри пункт первый. Так, после пересмотра всех вариантов умерщвления Бодаекурра Тсуфдрака, урождѣнного членокостного оксуломорфа, у Ивана остался самый сложный способ из всех. Ему предстояло стремительно обрушиться на жертву в ближнем бою, причем настолько молниеносно, чтобы она не успела заметить нападения, не успела поднять и стиснуть свои пластины, чтобы даже её рефлексy не успели проснуться.

Ивану предстояло превратиться в убийцу без формы, цве-

та и запаха, в абсолютно невидимое тело, вооруженное острейшим из всех известных в системе режущих орудий. И это было сложно не потому, что у Ивана отсутствовал костюм, позволяющий именно такое преобразование, а потому, что такой костюм тоже испускал определенного рода энергию, на излучение которой, как на запах, могли слететься полицейские дроны. В итоге Иван придумал весьма дерзкий план. Но для начала Бодакурра Тсуфдрака необходимо было выследить.

Для этого он расставил маячки во всех местах, где в этот вечер мог появиться Бодакурр: пять баров, клиника, что-то спортивное и несколько мест интимной слабости конкретно этого оксуломорфа. Маячки представляли собой крохотные дроны с возможностью передачи всей собираемой информации на центральную консоль. При необходимости они могли не только сопровождать объект, но и немного, по-мушинуму его атаковать.

Терминал консоли находился в одном из карманов на одежде Ивана и в свою очередь передавал собранную дронами информацию на обычный пользовательский визор на голове Ивана. Это был самый незаметный из способов, и не привлекал ничьего внимания. У всех людей имелись такие визоры, тем более в том месте, где Иван сидел в засаде – в игровом баре. Все, кто здесь торчал, имели на головах совершенно такие же визоры. Играли во что-то, пили пиво, а Иван выслеживал, получая данные с маячков.

Наконец, один из маячков идентифицировал Бодакурра, и перед глазами Ивана возникло огромное тело оксуломорфа, которое тут же было разобрано программой на фрагменты, соответствующие и несоответствующие биометрике искомого индивида. Соответствий оказалось достаточно много. Иван направил маячок ближе, и, пока оксуломорф осторожно просачивался вглубь заведения через узкий барный коридор, Ивану удалось заглянуть с помощью дрона в его чудовищное лицо. На этот раз программа разобрала все его складки, желтоватые костяные наросты и блестящие между ними угольные глаза, настоящие и мнимые. Комбинация последних тоже совпала. Иван почувствовал, как сердце забилось чаще. Он собрал все остальные маячки и направил их в район того бара, где появился Бодакурр, а сам вызвал такси. Бар оказался не слишком далеко, оксуломорф задержится в нём надолго, времени хватит.

* * *

«Слишком просто, слишком гладко. С одной стороны, конечно, хорошо, значит хорошо подготовился, так и должно было случиться, так обычно и происходит. Но все равно... все равно...»

Иван осмотрелся. Темное глухое место, как специально устроенное на самом дне города, чтобы совершать в нем тяжкие преступления. Перед глазами его снова ожила недавняя

сцена. Бодакурр пробирается в это городское чрево, Иван лежит у него на дороге замаскированный под грязный уличный хлам. «До чего же точно программа подсказала ему наиболее вероятный маршрут движения оксуломорфа! Славная, славная программа». И вот они с Бодакурром уже совсем рядом, Иван готов, словно сжатая до предела пружина, копье поднято, проход узкий, мишень сама ползёт в точку удара, ему надо только сделать выпад, один единственный молниеносный выпад. Огромное сердце Бодакурра пронзит холодный металл, что гарантирует ему мгновенную, почти безболезненную смерть. И вот Иван выбрасывает свое копье, прокалывает чудовище насквозь, словно таракана булавкой. А сам Бодакурра, хоть и страшный, но совсем небольшой, в половину Ивана. Хотя, возможно, поэтому и страшный. Слишком быстрый для человека, слишком юркий. Похож на огромную безобразную куклу в своих нелепых одеждах и с этим ящичком за спиной, который он куда-то так настойчиво тащит. Зачем-то. При входе в бар ящичка не было. Но, возможно, именно он объясняет появление Бодакурра в этом грязном месте. Возможно, он какой-нибудь шпион или шантажист, неудобная личность, совершающая неудобные поступки. Вот как раз с этим ящичком. Может быть из-за него он сейчас и мертв. Иван осмотрелся, быстро проверил камеры по периметру, выудил из пояса мягкий нож, обернул его петлёй вокруг головы убитого. Шея угадывалась с трудом, Иван не стал долго искать, определил её по области, где за-

канчивались надбровные наросты с глазами. Через мгновение голова была отделена от тела, он спрятал нож и навел основную камеру на голову. Та мигом измерила все ее характеристики, конфигурацию выступающих скул, наростов, глазниц, хитиновых островков, все внешние размеры и даже внутренние, и идентифицировала личность владельца с точностью 97,8 процентов. «Замечательный результат, – подумал Иван, – хотя немного странно, что не 98,7 как обычно. Но и 97,8 тоже неплохо. Возможно, старые данные, у оксуломорфов череп меняется всю жизнь, если верить «Справочнику видов».

Иван спрятал отрезанную голову в рюкзак, а в разрез, где она прежде крепилась положил крохотный белый мешочек с мутантами роухетских червячков. Через пару минут, когда сам Иван будет отсюда уже далеко, мешочек откроется и червячки приступят к ликвидации тела заодно со всем, что окажется рядом на расстоянии вытянутой руки, дальше они не пройдут, потому что сработает таймер. Он убьёт всех сытых и толстых, как время убивает старых. Крохотные тела испарятся, превратившись в местный воздух, так что даже полицейские дроны ничего не унюхают.

Стараясь не вертеть головой по сторонам, Иван направился прочь. За спиной его оставалась бесформенная похожая на свежий мусор кучка – то, что раньше было живым членокостным оксуломорфом с именем Бодеакурр Тсуфдрак. Иван принялся возвращать маячки на базу. Всего их было у

него около сотни, но в этой операции он задействовал чуть больше дюжины. Теперь он разослал команду возвращения, и маячки принялись ее выполнять. Все, кроме одного, тот окрасился в синий и отчаянно мигал, прилепившись к карте. Ожидал какое-то дополнительное подтверждение от хозяина. Иван открыл его сообщение и почувствовал неприятную слабость в ногах. Маячок уточнял, действительно ли ему необходимо прекратить сопровождение целевого объекта с именем Бодакурр Тсуфдрак? Да или нет?

Иван переключился на камеру дрона и не поверил своим глазам. Биометрия, размеры мелькают синими строчками, тонкие нити стрелок, словно паутина, тянутся к ним от черного тела, разобранного на внешние и внутренние формы. Динамика костей, скелет, форма черепа, комбинация глаз и совпадение. Совпадение... Иван почувствовал, как его пробирает злая дрожь. 98 и 7 чертовых процентов. Те самые... те самые 98 процентов соответствия. Как он смог согласиться на меньшее, этот уродливый оксупоморф со своими мерзкими глазками. И что теперь? По условиям договора, если он не выполнит задание... это катастрофа, об этом лучше не думать. Бодакурр Тсуфдрак должен быть убит. Всё! Вопрос только когда, где и как? Иван пнул контейнер.

Это можно сделать сейчас, на нынешнем разогреве – ножи есть, копьё, мешки, маскировка, запасной пакет с червячками, дроны – если придётся, Иван поднимет весь свой флот.

Он принялся раздавать маячкам решительные команды,

пару из них повесил на слежку за объектом, тройку поднял повыше для наблюдения за периметром, а сам поспешил к транспортной платформе, на которой у него был припаркован личный и достаточно шустрый дрон.

На всякий случай он не стал выбрасывать свой трофей – голову ложного, как оказалось, Бодакурра Тсуфдрака. При этом, как назло, вспомнилось, что он читал про оксуломорфов, что даже близнецы у них рождались заметно непохожие друг на друга, с разницей по биометрии, доходящей до двадцати процентов, не говоря уже о комбинации ложных глаз. А вот отрыв по этому показателю того Бодакурра, которого он убил с тем, за которым сейчас летел, составляла менее процента. С точки зрения физиологии этого вида – практически невозможное совпадение. Значит, ужаснулся Иван, этот инопланетный кощей использовал двойника. Это объясняло его столь вялое поведение и лёгкость прогнозирования его маршрута передвижения. Простоту, с которой Иван получил его жизнь.

За прозрачной частью оболочки дрона словно прибитые к воздуху, неподвижно висели попутные летательные аппараты, за ними мелькал встречный поток, медленно расступались, как гигантские двери, обрамлявшие транспортный коридор жилищные конструкции. Это называли здесь домами, хотя больше всего они походили на столбы, будто бы поднимавшиеся из самой глубины туманной бездны городского дна и уходившие так высоко в небо, что сливались с ним. Ес-

ли задрать голову, втянув шею в плечи, можно было бы вообразить, что дома не поднимаются от земли к небу, а наоборот, падают на неё, или спускаются подобно волосам, словно огромные, густые, слегка изогнутые струи, лоснящиеся разноцветными окнами, искрящиеся и переливающиеся, и будто прядь этих космических волос падает вниз и тонет в мутной пелене бесконечного и бездонного океана, в который мподы превратили практически всю поверхность планеты, пригодную для строительства.

Где-то были сады, просторные парки, широкие прогулочные ёмкости без построек и мельтешащих между ними очумевших дронов. Иван точно знал, что они были, то есть существовали в принципе, но где именно, понятия не имел. Мподы скрывали от мигрантов свою настоящую жизнь. Другие виды, другие потребности, другая система ценностей, философия бытия и содержания удовольствий. Не нравится – тебя никто не держит. Нет денег или достоинства – существуй как-нибудь, или не существуй. Никто не расстроится, скорее наоборот.

Дрон Ивана свернул в сторону, стабилизировал положение и начал снижаться. Самый неприятный момент, легкая неведомость и напоминание о прежних днях, до перелета сюда. Как будто со дна приподнимались какие-то камни, тяжело ворочались в голове и снова укладывались на место. Напоминали о себе, мерцая серыми боками, ворчали о чем-то старом и страшном. О прошлом, конечно, что оно еще живо и

как будто ждёт его. Ждет. Никуда не делось, ждет.

Иван досадливо вздохнул и вывел на визоре изображение с камеры одного из дронов, что следили за целью. Запросил вычисление вероятностных траекторий перемещения, экран отозвался целой россыпью, Иван отметил самую жирную ветку и мысленно пожелал себе удачи. А двуликому Бодаекурру, мать его, Тсуфдраку – смерти. Еще одной. «Тогда и разберемся, какая из его голов подлинная».

Наиболее вероятная траектория его перемещения тянулась от выхода из бара (вторая версия Бодаекурра также проводила время за напитками), а затем виляла по закоулкам донных улиц среди каких-то чумных лавок с искрометными вывесками и отвратительным запахом. Иван направил по ней маячок, переключив его на максимальный угол обзора. Про странство словно сжалось у него перед глазами, измельчало, зато ничего не упустишь. Понадобится небольшой кривой переулочек или тупик. Бодаекурр, тем временем, выбрался из бара и потащился именно так, как предсказывалось самой жирной веткой распределения вероятностей. По мере его продвижения ветка слегка уточнялась, ёрзала и пульсировала, будто устраиваясь поудобнее, но в главном оставалась неизменной. Сердце Ивана снова заколотилось. На камере подходящее место. Иван оставил по маячку на входе и на выходе из переулочка, чтобы отогнать случайного прохожего. Оксуломорф неуклюже подбирался к ловушке. Иван переключился на управление собственным дроном. На мгно-

вление визор стал прозрачным. Даже не весь, а лишь верхняя его часть. Этого оказалось достаточно, чтобы увидеть собравшихся вокруг него полицейских. Иван вздрогнул, в голове зашумело.

Рыжие рубленные контуры, тревожные позы... по образу мпода, его характеру и выражению. Ивана взяли. На двойнике попался. Впрочем, это не самое страшное, подумалось ему, – в конце концов этого несчастного Бодаекурра, сколько бы у него ни было двойников, все равно достанут. Ему не помогут ни обманчиво точные клоны, ни полицейское наблюдение, ни технологические уловки. Его заказали весьма серьёзные гады, из тех, что доводят дело до конца. Просто, цена теперь станет чуть выше. В очередной раз, и уже не в первый, как было до Ивана, и продолжится после, цена будет повышаться всякий раз после чьей-либо неудачи, и наемники не иссякнут, их станет только больше. Выше цена – выше мотивы. Этот оксуломорф обречен, только еще не знает об этом. И тут, глядя на рыжие огоньки полицейских дронов, похожие на блики Аури с высоких эшелонов, Ивану неожиданно подумалось, что и сам он, и его собственная жизнь существенно не отличаются от жизни несчастного Бодаекурра. Он так же ползёт по самой жирной линии своего вероятностного поведения, и эта линия точно так же, уточняясь, подрагивает на экранах у следящих за ним полицейских, и так же они устраивают ему засады, и ловят. И, наверное, следят уже давно, так что его тюрьма началась задолго до того,

как жирные линии его поведения привели к ней его самого. Иван следовал по ним, предполагая, что успеет вовремя соскочить, но и такая вероятность, наверняка, была учтена чьей-то славной, славной программой.

Иван не боялся тюрьмы. Там тоже можно было жить, причем по некоторым параметрам даже лучше, чем он жил сейчас. Мподы были максимально гуманны, никого не убивали и не мучали. Тюрьма у них – это слишком правильная, слишком скучная жизнь. Существо, нарушающее правила общества, просто перемещали в такую среду, где невозможно было нарушать. Подразумевая видимо то, что не все мигранты способны соблюдать многочисленные местные условия, и в этом не особенно виноваты. Другая цивилизация, другой мир, другая реальность – можно понять. Общество не подходит. Так вот вам другое... тюремное, здесь всё значительно проще. Но это спасение нравилось не всем. Почти никому. Свобода и самоубийство – это личный выбор. Умирать не запрещено.

Иван думал об этом, пока его дрон, следуя командам полицейского перехватчика, тащился сквозь заросли домов, словно вошь по густой шевелюре. Удивительная оптимизация, теперь он выберется наружу сразу в тюрьме. Вина его так же очевидна, как и результат выполнения какой-нибудь простой функции.

Тяжело вздохнув, Иван запросил камеры со своих маячков, но ни один не отозвался. Определены как оружие и изъ-

яты, мысленно процитировал Иван адаптированное для людей заключение полиции. Он бросил маячки и перешел в телефон. Задумался немного, сосредоточенно рассматривая имена в записной книге, пролистал вверх-вниз пару раз и остановился на имени «Икар».

– Привет, не на работе?

– Нет, – усталый голос.

Иван сделал небольшую часть своего транспорта прозрачной и пространство за ним наполнилось движением, строгим хаосом среди вертикальных громадин домов.

– Как поживаешь? – спросил он.

– Обычно. Давно тебя не слышал, – тяжелый вздох. – И не видел.

– Давай включу камеру... – предложил Иван, полиции рядом уже не было.

– Включи, но я не в форме.

– Не в форме, – ехидно повторил Иван, – не боишься, что в этой «не в форме» так и останешься. Помнишь отец говорил, если долго корчить рожу, она такая может и прилипнуть.

– Вань, ты серьёзно? – вздох. – Ну да, да... смеешься.

– Да, я смеюсь. У меня сейчас такая смешная ситуация, и я в ней смеюсь.

– Отлично, рад за тебя. Опять Злой Котэ?

– Не-е, но туда мы еще ходим.

– Давай, – еще один тяжелый вздох, – еще не вся шпана

запугана. Надо, конечно, исправить. Нас туда вообще пустят, а?

– Пустят. Ты съешь одну из своих таблеточек, и тебя никто не узнает.

– Тогда и тебе придётся. Съесть одну из моих таблеточек.

– Ха-ха, ну уж нет. Попробую без этой дряни...

– Да не такая уж и дрянь...

– Короче, мне нужна твоя помощь.

Икар в очередной раз устало вздохнул.

– Надо переправить небольшую коробочку.

– А сам?

– Сам не успеваю. Надо срочно.

Икар включил свою камеру и в визоре Ивана, на фоне мелькающих огоньков города возникла нахмуренная кошачья рожа.

– Срочно не получится, – произнесла рожа.

– Красавчик, – рассмеялся Иван, – не настолько срочно, тебя еще отпустит, если ты конечно не... – Иван скривился в усмешке, подбирая подходящее слово.

– Не полный идиот, – продолжил за него Икар. – Нет, я не полный идиот, это скоро пройдет, хвост уже втягивается, если тебе интересно.

Иван брезгливо фыркнул.

– Ладно, что за коробочка? – спросил Икар, – Когда, куда, кому?

– Сейчас сброшу.

– Ладно, – кошачья рожа растворилась.

– Там всё просто, и совершенно безопасно, – сказал Иван, – надо просто доставить.

– Вообще, – задумчиво отозвался Икар, – странно. Чего бы тебе не отправить её грузовым с персональным приоритетом? В чем прикол?

– Да там какой-то махровый экзотерх с заморочкой на тему почты, доставки, передачи, всего такого, я не вдавался... просили передать лично, деньги заплатили, остальное меня не интересует.

– Экзотерх... – спросил Икар, – че это вообще такое... лень искать... сильно воняет?

– Нет, вроде нет, не страшный, не большой, не вонючий, не ядовитый и вообще на человека похож.

– Гуманоид?

– Нет, не гуманоид, экзотерх, если он похож на человека это вовсе не значит, что он гуманоид. Снаружи похож, а внутри там что-то другое.

– Точно не воняет? Меня бесят...

– Да-да я знаю, что тебя бесят, посмотри потом сам, не воняет. Ну, может быть самую малость, не сильно...

– Черт...

– Да ладно тебе, че такого... если чуть и пахнет.

– То есть от него прёт как от...

– Кто сказал прёт, может быть немного пахнет... может даже чем-то вкусным...

– Че-е-ерт, – снова с досадой протянул Икар, – может ты сам, меня от их вони просто выворачивает. Убивает прямо.

– Так ты можешь сам в него... эм-м, нарядиться, – предложил Иван.

– Не... если это не гуманоид, значит несовместим, даже гуманоиды не все совместимы.

– А твоя усатая морда тоже скажешь гуманоид?

– О, – энергично отозвался Икар, – еще какой гуманоид, да еще как совместим, ты даже не представляешь, насколько глубоко и кайфово совместим...

– Фу, – скривился Иван, – и не хочу знать даже. Короче, мне действительно очень важно, чтобы та коробочка была доставлена в нужное время. Ты меня не подведёшь?

– Нет, – вздохнул Икар, – конечно я тебя не подведу, скидывай данные, – он словно стряхивал с себя заново возникшие образы последнего разговора с Энсемьпятътриноля, свою ошибку с близнецами, её огромные удивлённые глаза в ответ, её презрение, отвращение, ненависть. Как можно было так проколоться – у этого вида не бывает близнецов, никогда, такое в принципе невозможно при их способе размножения. – Данные пришлешь?

– Уже, – сообщил Иван.

– Отлично.

– Спасибо.

– Да не за что еще, – кряхтя ответил Икар, – всё, мне тут надо... короче... А что, просто привезти коробочку и всё?

– Ну да, – брови Ивана нервно дернулись, – просто привезти и отдать. Очень просто и совершенно безопасно. Иначе я бы тебя и не просил.

– Хорошо. Отвезу, отдам. Просто.

Голос Икара утонул в пространстве. Перед глазами Ивана снова возник список контактов, он принялся двигать его вверх-вниз, перебирая глазами имена и подписи под ними. Наконец, выудил одно – «Пор Гауж Дзингр, палеохорн, решала».

Перед тем как сделать вызов Иван достал откуда-то из щели между креслом и дверью небольшой флакончик с распылителем, несколько раз брызнул себе в рот и тренировочно прохрипел. Вызвал П.Г.Д. Экран явил лицо с желтыми, растянутым от уха до уха губами, похожими на приплюснутый клюв. Сбоку забегали строчки идентификационной обработки лица. К лицу Пора потянулись паутинки параметрических меток. На мгновение мелькнуло схематическое изображение черепа, затем имя над его лицом окрасилось черным, а в углу возникло число «98.7».

Иван задержал взгляд на этих цифрах, будто упрекая их за то, что не возникли ранее, как будто предали его, или обманули, и затем, растянув рот в нечеловеческой улыбке поприветствовал палеохорна самым хриплым кряканьем на какое был способен.

Глаза Пора сделали оборот – кивнул, значит. Иван сделал похожий финт и, растянув рот еще шире, прокрякал до-

статочно длинную фразу, суть которой сводилась к просьбе о помощи. Решала Пор Гауж Дзингр внимательно выслушал и начал крякать в ответ. В голове Ивана словно струна в тишине, дрогнуло плохое предчувствие:

«На что ты готов? На что? Всё за свободу? Или...»

{#376}

Последнее время мы всей семьёй залипаем в планетарии. Только не в том, что у «Зеленых ворот», а в том, который на «Садовой». У него смотровой зал находится глубже, примерно минус пятнадцатый уровень, так что, находясь в нём, ты не просто смотришь в космос, а словно оказываешься в нём, погрузившись на весьма достойную глубину. Гораздо глубже, чем в любом другом парке космических аттракционов. Ну и конечно, даже оттуда шарик не выглядит как «шарик», хоть и закрывает примерно треть панорамы. Однако, сам он вращается, так что за какой-то час в планетарии можно увидеть почти весь окружающий нас космос. И если раньше, пару тысяч циклов назад, это было совершенно неинтересно: чернота и едва заметные звёзды, то сейчас, когда мы в Системе... это... ну – прямо ух! Я сам залип, наблюдая за всеми этими искрами, мерцающими вокруг здешней рыжей звезды. Если присмотреться, мне кажется, ее сферу Дайсона можно увидеть и без всякого телескопа. Хотя в планетарии он, разумеется, есть, и это уже совершенный отвал башки!!! Я так залип, что даже забыл, что мы пришли всей семьёй, а потом смотрю – моих пацанов тоже не оторвать. Глаза как тарелки, рот открыт, только слюни не текут, во рту, наверное, пересохло у них. Старший тут же объявил, что обязательно по-

бывает на всех без исключения планетах Системы, облетит ее всю, а когда вернётся, станет Великим Капитаном. Иван с Икаром стали спорить кто больше планет захватит. Икар выглядел старше и настойчивей, и в споре победил. Они едва не подрались. Теперь вот думаю, в каком месте воспитательного процесса у меня случилась промашка. Ола-ола сказала, что все мальчишки такие и будь они другие, мы бы сейчас не смотрели на эту красоту. И никто бы из людей не смотрел.

{#377}

Очень жаль, что нас не пускают ближе, здесь у Аури слишком много астероидов, но дело даже не в них. Почти все эти космические тела уже за кем-то записаны, проданы, сданы в аренду и так далее. Нам здесь ловить почти нечего, потому что у нас нет никаких договоров, соглашений, импорта и экспорта, и нет валюты, чтобы во всём этом участвовать. Это во-первых, а во-вторых, на многих астероидах ведётся достаточно варварская разработка – их взрывают, и они либо фрагментируются, превращаясь в мусор с непредсказуемыми свойствами, либо так серьёзно меняют траекторию, так что нам приходится постоянно отслеживать все эти камни, а некоторые даже принудительно отклонять. На это уходит слишком много энергии, не говоря уже о том, что, если наш космический флот пропустит что-то, и оно заденет Энджи, мало никому не покажется. Мы последние люди во Вселенной и единственное, что позволяет нам жить – это шарик,

еще более хрупкий, чем планета, которая у нас была раньше, и если с нами случится беда – нам никто не поможет. В Системе тысячи цивилизаций, но большинство из них занято своими делами и проблемами, и лишь некоторые могут помочь. Но я уверен – они не помогут. Возможность не означает желание. В природе, как и прежде, выживает сильнейший. Так что, друзья, держитесь вместе, берегите себя и помогайте ближнему.

{#378}

Я никогда не поддерживал и не поддерживаю бунтарей. Беспорядок не улучшает, а ухудшает жизнь. Всегда. Но люди такие существа – чтобы построить что-то новое, им непременно хочется разрушить что-то старое. Надеюсь, что эти синые уроды не расфигачат нам двигатель, рядом с которым сами же и живут. Надо усилить охрану, а самых диких уродов беспощадно отстреливать... Если у человека нет разума – это обычное животное, ничем не отличающееся от тех макаков, что сидят по вонючим зоопаркам. Только разум даёт человеку его человеческие права. Наличие разума – это обязательное условие для существа с человеческой анатомией, чтобы называться человеком и быть им.

{#379}

Да сделайте вы уже что-нибудь с этими мутантами!!! Еще немного и я начну бояться отправлять детей в школу. Что

за бардак? Ау, полиция! У вас там что, оружие не подвезли? Даже у меня оно есть. Что происходит?

{#380}

Сегодня впервые взял с собой отцовский пистолет. К счастью, не пригодился. Но отвратителен сам факт того, что мне пришлось это сделать.

{#381}

Нашу лабораторию закрыли. Оставляю это здесь для истории.

{#382}

Проголосовал за Рубинэ. Да, я знаю, что оно предлагало уничтожить всех героев так называемой революции. Люди, похоже, не справляются с наведением порядка на Энджи. Значит, пусть управляет Рубинэ.

{#383}

Вы, конечно, знаете уже о «Послании Системы», которое якобы просочилось в публичный раздел. Само оно «просочиться», конечно не могло, я уверен. Хотя просочилось и ладно, но сам факт, что от нас что-то требуют, безусловно возмутителен, но меня больше беспокоит причина, по которой эти требования возникли. А на этой, почему-то ни Дотэ, ни Новостэ, ни кто-либо еще их класса не заостряет вни-

мание. Значит тот факт, что мы разослали дроны по всей системе, чтобы подслушивать, подсматривать и даже проводить загадочные мобильные исследования, для них не является новостью. О чем это может сказать человеку, знакомому с алгоритмами работы экземпляров объекта новостного класса большого вычислительного ядра? Только о том, что для них эта информация не является новой, они знали об этом. А мы – нет. Что-то я не припомню такого во времена Совета Капитанов.

Так вот, с моего невысокого кронштейна картина выглядит следующим образом: Лидиртэ решилось на экспансию, которую обещало и за которую рубило большинство людей на Шарике, и отправилось на поиски подходящей планеты или, на худой конец, достаточно шарообразного планетоида, который при необходимости можно было бы переместить поближе к звезде, терраформировать и прочее. Хотя на это нужно время, но это на крайний случай. Короче, для этого по всей Системе были разосланы разведчики, что не понравилось её нынешним обитателям. Если я правильно понял, мы потеряли из них едва ли не треть. В этом есть смысл: завались ко мне в квартиру какой-нибудь дрон, облепленный с ног до головы датчиками, анализаторами, зондами, транспондерами и с измерительным лазером ПИЛ-ик-27н в железных клешнях, я бы тоже не обрадовался. Не самому дрону, конечно, а перспективе того, что моя серая квартира ему вдруг настолько понравится, что он решит в ней по-

селиться, обустроиться, а затем позвать толпу неизвестных мне существ, по всем приметам не особо деликатных. Что они сделают со мной – другой вопрос, не менее интересный. И раз уж у местных жителей есть центральное управление и ответственный за порядок политический орган – то самое Собрание Спасшихся Миров – то ему, видимо, про нас и доложили. «Что за дела, что они себе позволяют». И тогда ССМ, провернув свои шестерёнки, выдал нам то самое послание, которое разобрали по байтам все новостные экземпляры на шарике. Суть здесь не в том, что они нам угрожают, на чем несправедливо акцентируется Новостэ, а в том, что мы – угрожаем им.

{#384}

Вчера нашел статью нашего будущего представителя в ССМ о том, как проходит его подготовка. (ссылка). А мне показалось странным вот что – несмотря на довольно экзотическую организацию власти, мподы, которые всем заправляют, совершенно так же, как и мы делят миры по уровню их развития, и не отказывают себе в удовольствии игнорировать те из них, которые считают бесполезными или беспомощными. Взять, например, техноплеазиды (раздел «Парадоксальные» в «Справочнике Видов»), им принадлежит (принадлежал) один скромный полюс на какой-то пересушенной планете. Жили себе тихо, никого не трогали, но вот у мподов возникает необходимость разместить на этом полюсе что-то

огромное и несомненно полезное с точки зрения всеобщего (мподского) процветания. Например, Н/Д или П/Д генератор, и этих несчастных техноплеазидов просят уйти, и удаляют, когда те не соглашаются. Это не плюрализм, а гегемония. Или я не прав?

{#385}

Все спорят: правда или нет, мне кажется – нет, хотя я себе с трудом представляю, как можно выжить так близко к реактору, да еще и между двумя такими мощными контризлучателями. Если вы не в теме – я сейчас про ту семью уродов, которую отловили на верхних этажах. А вам не кажется, что каким бы ни был естественный урод, он на такое все равно не способен. Я, конечно, не биолог и не антрополог, но мою любимую физику никто не отменял. Чтобы организм человека выжил в таком сильном радиационном поле, со всеми его альфа, бета и гамма составляющими, у химических элементов из которых состоят его клетки должно быть совершенно другое устройство. Я к тому, что белковые молекулы, из которых все мы состоим, в таком поле распадаются на атомы. Все мутации уродов с обратки происходят на более высоком уровне, на уровне клеточно-кристаллических структур. Сами молекулы при этом остаются прежними. То, что нашли у той семьи – это... как если бы у вас, например, вся костная ткань неожиданно преобразовалась в трансплазматический сплав, из которого собирают космические аппараты на горя-

чих орбитах.

Короче, моя версия такая – где-то, кто-то, в нарушение закона Энджи (Д5ТЭ), и под прикрытием власти, проводит биофизические модуляции человека. Или другими словами – создает человекоподобные существа на новых физических принципах. К чему это приводило в прошлом, вы можете узнать в Инфополе. Искать лучше по следующим ключевым словам: «первая псевдоинопланетная война», «вторая псевдоинопланетная», а также «империя зомби», «зафрика» и «эпидемия джи». Заодно найдите Д5ТЭ – «Договор Пяти Т.Э.» – это к вопросу, почему у нас на шарике запрещены искусственные изменения человека.

{#386}

Пару дней назад написал про тех уродов из верхнего контура защиты реактора, и вот только сейчас до меня дошло, как это может быть связано с отправкой транспорта первичной колонизации на Туман.

{#387}

Первые изображения с места посадки на Тумане. Да, это вдохновляет! Неужели нашей тесноте придёт конец? Фото, фото, фото.

{#388}

Мне удалось переправить некоторое оборудование в свою

квартиру. Прости меня, Ола-ола, это нужно для науки. И получить разрешение на удалённый доступ к вычислительной системе и библиотекам Рюминэ – это наша главная научно-исследовательская ветка от экземпляра объекта класса научных исследований. С учетом всех веток, программ и библиотечных компонентов, чувствую себя пылинкой на краю листочка, огромного, размером со всю Энджи дерева. А тут еще, кстати, и школы закрыли из-за беспорядков, так что у нас дома сейчас все. Близнецы выпросили кота, как у старшего. Рыжего и не менее наглого. Не пойму, неужели нельзя одного кота поделить? Чем, вообще свой кот отличается от не своего. Котам вообще, по-моему, всё всегда до лампочки, и уж тем более им безразлично, чьи они. В общем, у нас вот такое в отсеке – (фото) – в не самом большом отсеке, надо заметить. И тут я со своим НЖК-УЧПГ-568 на магнитной подушке... а-а-а!

Да! Так вот, я все равно чувствую себя отлично и, наконец, занят любимым делом. И мне хорошо! Да, друзья, предвижу ваши вопросы. Отвечаю – оба кота органические, натуральные, живые. Не машины, не котэ. Поглощают обычную человеческую пищу со всеми характерными для этого последствиями.

{#389}

Никогда не пропускайте свою очередь на посещение центрального парка. Это, конечно, далеко, и ехать долго, но оно

того стоит. Особенно мне нравится, когда они включают симуляции разных планет. Нам в прошлый раз попалась Со-ло-Венера, вроде как на основе Венеры, что была рядом с Землей. Сверху даже распыляли воду, изображая венерианские кислотные осадки.

{#390}

Нет, я все могу понять, но мне бы не хотелось расставаться с нашим шариком. Все эти колонисты и транспорты в новостях, огромные как черт знает что, весь этот флот поселения, состоящий по большей части из мутантов с обратки. Их не жалко?.. Или почему они? Но что теперь будет с шариком, когда мы все съедем на Туман? Впрочем, это нескоро. Поверьте мне, пройдет еще не одна сотня, а может и тысяча циклов, прежде чем на Тумане появятся удобства уровня Энджи. Так что я не переживаю на этот счет, занимаюсь своей картой и каталогом, воспитываю детей, надеюсь, что цены на жилье, наконец, снизятся, и мы переедем на среднюю широту, где не такая сильная «гравитация». Хотя, за столько времени, мне кажется, мы все уже привыкли... но вот сады, и парки, и школы там, однозначно, лучше.

{#391}

Вы тоже заметили, что какие-то уж очень радужные вести приходят с Тумана? Вы тоже сомневаетесь в том, что в Системе нашлась необитаемая планета пригодная для жизни

человеку?! Необитаемая! Вы тоже верите в такие удивительные совпадения? «Невероятная удача! Настоящая находка для человечества!» И так далее..., что льётся в новостях. Их, я подозреваю, немного исправляют, прикрывая часть правды. Вы, может быть, и верите в случайные совпадения, а я физик, я не верю.

{#392}

Когда-то давно мне казалось, что еще немного, еще чуточку, и родители потащат меня на какую-то непонятную «земную твердь». Начнутся сборы и перебор всякого домашнего барахла, что брать, а что оставить. Отец заходил в мою комнату, хмуро всматриваясь в раскиданные на столе вещи. А я мысленно отстаивал каждую железку, чтобы и ее непременно взяли, чтобы ни в коем случае не оставили. Правда, мне было непонятно, куда именно, и зачем нужно было вообще куда-то переселяться, но родители сидели вдвоём у экрана, мама была еще жива, а на экране перед нимиплыли по синему земному небу пушистые облака, казавшиеся мне тогда белыми ватными лоскутами, а родители покачивали головами и как будто вспоминали что-то, и разговаривали одними только улыбками и глазами, совершенно молча. А утром они снова бегали и сустились, вслушиваясь в новости.

А потом оказалось, что нам еще несколько тысяч циклов только до стабилизации круговой орбиты... Мне очень грустно об этом вспоминать. И всё тяжелее.

{#393}

Мой самый главный учитель говорил: «Не верьте ничему. Проверяйте всё. Даже самые очевидные вещи, даже то, что кажется случайностью, не относящейся к предмету исследований. Многие очень важные научные открытия, если брать те времена, когда этим занимались люди, были совершены практически случайно – рентгеновское излучение, радиоактивность, экспульсия слабых мюонов...» Конечно, с такой подозрительностью жить не становится проще. И понятней – тоже не становится.

Тем не менее, я, следуя наставлению своего учителя, ничему не верю и всё стараюсь проверить. Вам должно быть известно, что закон запрещает сокрытие информации. Это относится ко всем. К информационным веткам тэ особенно, потому что именно они собирают, систематизируют, обрабатывают и хранят всю нашу информацию. А также они должны ее распространять, потому что многие источники информации недоступны людям. Даже не многие, а большинство.

Однако, в последнее время, (с тех пор, как Совет Капитанов сменился управлением Лидиртэ) все новостные тэ стали распространять одну информацию не так, как другую. Например, новость о том, что на Тумане развернуто первое поселение, прошла по всем новостным тэ, а про то, что большую часть колонистов составляли ущемленные в правах жители высоких и околосдвигательных широт – нам не сообще-

ли. Кроме этого, атмосфера на Тумане оказалась недостаточно плотной и её пришлось модифицировать, отчего пострадала тамошняя экосистема. Затем на колонистов обрушился какой-то неопознанный вирус, и большинство из них погибли. Но и это не самое интересное. А самое интересное то, что оставшийся процент выжил благодаря неким ребиотическим модификациям. И вот теперь на Энджи комплектуется еще более обширный десант поселенцев, которые проходят загадочную «процедуру подготовки», и это занимает у них около семи циклов. Об этом тоже не было в новостях, но информация открыта, доступна в любом облаке, если поискать с пристрастием. Однако, наверное, согласно какой-то активированной настройке, или директиве, она приобретает наименьший приоритет, тонет, и новостные ветки её не подхватывают. Вот так, а в следующий раз я похожу по внешне-политической и военной секциям новостей. Там тоже много интересного.

{#394}

А во всём этом есть определённый положительный результат. Кстати, поздравьте, мы переезжаем в Бузинно-7, это, конечно, не Ретира, но очень близко и похоже, и примерно в тех же широтах. Плюс – есть надежда, что нашу лабораторию тоже скоро откроют. Беспорядки вроде стихли. А пока, первым делом в новый отсек отправится НЖК-УЧПГ-568 и система охлаждения ОХ-12ПТ. О, да!.. у меня там будет

свой собственный отдельный кабинет. Да-да, и бар, конечно. Хотя нет, первым поедет, разумеется, Валенок. Потому что он – старший кот. И только затем, мы все. Ола-олу еще держат на процедурах, она присоединится к нам позже. Мы все скучаем, особенно старший, но ей, наверное, будет приятно вернуться сразу в новый дом.

{#395}

Как и обещал, забрался в раздел внешней политики и всего этого, и, если честно, даже не сразу поверил. Хотя догадывался, сомневался и писал об этом. Оказывается, Туман был вовсе не необитаем, как нам сообщали в новостях. Они не могут врать, так что просто опустили слово «условно». Планета Туман *условно* обитаема. Это значит, что «по внешним признакам обитаемость планеты не очевидна, а разумные существа, ее населяющие не имеют явного образа, доступного для восприятия человеком и описания его возможностями общей биологической теории». Другими словами, это была (да и остаётся) планета неких «аморфов». При этом, оказывается, они каким-то образом умудрились притащиться в Систему именно на ней. Туман – не местная планета. Т.е. там, оказывается, настолько сильная и продвинутая цивилизация, что с этими аморфами, оказывается, был даже заключен договор. Мподы представляли Систему на правах первородного и владеющего вида. В договоре предусматривалось, что аморфам разрешается разместить свою планету в

Системе при условии её полного и безоговорочного разоружения. При этом безопасность им гарантируют сами мподы. И вот теперь у них, у мподов, появляется основание продемонстрировать, чего стоят их обещания... потому что, оказывается, нам был предложен аналогичный договор, но Лидиртэ не отвечает... уже очень долго. И такие договора есть у мподов со всеми... если они не смогут защитить Туман с её невидимыми аморфами, то вопросы к ним возникнут почти у всех цивилизаций Системы. А их здесь – три тысячи двести семьдесят четыре, или около того...

{#396}

Забавно конечно, что информацию не скрывают, ее просто не демонстрируют.

{#397}

«Ничего нет приятней того, как шумят деревья в ясный летний день, как начинается дождь, как падают на лес его первые капли, и как он идет затем по земле, наступая издаля и приближаясь, словно одеяло, и накрывает землю облаками, и поливает водой, и несёт с собой прохладу, а когда проходит, то оставляет свежесть, и ты словно просыпаешься от душного сна, и глаза видят ярче, и небо кажется огромней и яснее, и дышится так, будто пьёшь небо, как воду. Большими, вкусными глотками».

Игнацио Хорти, «Звуки души, биение сердец».

Как думаете, будет у нас в жизни когда-нибудь что-то подобное?

{#398}

Мне всегда нравилось наводить порядок. И сейчас нравится, я просто обожаю это дело. Упорядочивание. Уменьшение хаоса системы, что согласно физической теории принципиально невозможно. И чем запущенней передо мной бардак, тем больше мне нравится его уничтожать. Особенно, если при виде его масштаба кто-нибудь машет мне рукой, задирая меня чем-то вроде «ты с этим неделю проводишься». Пускай неделю, так даже лучше, порядок становится ярче в сравнении с тем, из чего он возник. Когда я жил с родителями, у меня была небольшая комнатка, сплошь забитая невероятно нужными вещами. Наведение в ней порядка было делом почти невозможным. Теперь, когда мы переехали в Бузинно, у меня целый кабинет с огромным шкафом, куда вмещается вообще всёи даже больше. Так что, я, наконец, разобрался со своим хламом и навёл настоящий полноценный порядок. О, какое это было незабываемое удовольствие! Теперь вожу сыновей на экскурсии, показываю какой я молодец, и как должно быть у них. Заодно разобрал еще и вещи Ола-олы, пока её нет, нашел там несколько своих открыток. Очень старых, с моими поздравлениями. Она, оказывается, хранит. Тепло стало на сердце, я тоже храню парочку из тех, что она мне когда-то подарила. Там её почерк,

её слова, такое невозможно выбросить, и забыть.

Ну вот, а затем я заглянул в неразобранные ящики своей шпаны – и нашел там две удивительные вещи. Первая – инструкция на японском к тому самому датчику, что я приобрел на обратке, кажется, пару тысяч циклов назад, еще в школе, как будто в какой-то другой, прошлой жизни. Каким образом она там оказалась – ломаю голову, версий много и все глупые. И вторая... тут, если бы не инструкция, воспоминания о которой меня растрогали и размягчили, вторая находка привела бы к неоправданному наказанию старшенького – потому что этот щегол, оказывается, посещает «школу юного пилота» при Лётном училище Академии генерального штаба военно-космических сил, и вот уже полторы сотни циклов, втихаря, учится пилотировать какой-то дрон! Нашивка красивая. Удивился. Вызвал его на допрос – оказалось у них почти все пацаны в классе посещают. Причем это даже поощряется на уровне руководства школы, им даже уроков меньше задают, на физру не гоняют, центрифугой не мучают... Такие дела. Станные, если задуматься.

{#399}

Недавно узнал, что вот уже три сотни циклов центральный реактор работает на сто пять процентов мощности. Если вы думаете, что это мало – всего пять процентов – то представьте, что у нас над головами, за сотнями метров перегородок фильтров, экранов и энергосъемных сфер Брауде-

ра-Маклавски горит небольшая, но почти настоящая звезда. Ее энергии достаточно, чтобы всего за пару секунд превратить Энджи в ионизированное газопылевое облако с радиоактивным спектром. Одного процента её энергии достаточно, чтобы на Энджи работало энергополе, от которого питаются все наши электроприборы. Еще примерно процент берёт агрокомплекс. Весь агрокомплекс! Вся наша еда, у всех людей на всём Шарике, производство миллионов тонн продуктов в час – это всего один процент энергии центрального реактора. Представили эту мощь? Теперь скажите, зачем понадобилось еще пять, целых пять процентов сверху, а на самом деле больше. Потому что по пути в Систему мы использовали всего девяносто три и очень редко девяносто пять процентов, когда путь проходил мимо неостывших водородных скоплений, где мы запасались топливом и хим. элементами... Так вот, оказывается, Лидиртэ во всю штампует нам новый военный флот. Заводы загружены на сто процентов, все доки и шлюзы забиты гигантскими грузовиками с астероидным материалом. Машины работают безостановочно, на полной мощности. И так уже двести сорок пять циклов...

Разумеется, при такой активности центрального реактора надо было бы повысить мощность внутреннего экрана, чтобы радиация не проникала на жилые уровни. Однако нет, куда там. А я всё думаю, откуда у меня такие дельты по наблюдаемой радиации? Вот откуда – ко всему прочему, они еще и с экранов берут энергию. Мало им реактора. Я замерил ра-

диационный фон в доме и в медсекции, где сейчас находится Ола-ола, и, если честно – голова пошла кругом от ужаса.

Новостные ветки об этом не сообщают. Почему-то, почему-то... Потому что... вот так. Но они вовсе не скрывают от нас информацию, они её просто не поднимают наверх. Не выставляют напоказ. Не второй, не третий и даже не пятый слой. Но меня, по большому счету, эта радиация не беспокоит, если бы не Ола-ола. За неё волнуюсь.

С мамой было так же.

«Безопасно».

«Совершенно безопасно».

Икар знал своего брата очень хорошо, слишком хорошо, почти как себя. Дважды повторенное очевидное, не подвергавшееся прежде сомнению и не вызывавшее вопросов, звучит как обман, трижды – как заклинание, когда хочется обмануть заодно и себя, и реальность. Иван повторил слово «безопасно» два раза. Икар поёрзал в кресле, нащупывая какую-нибудь регулировку сиденья, делавшее его положение более горизонтальным. Снаружи, на фоне серых домов привычно мелькали разноцветные такси, жужжа словно испорченный вентилятор. Регулировка нашлась, и Икар откинулся на спину, перед глазами возникло рыжее небо Хити, гаснущее перед заходом Аури. Ему всегда казалось, что это небо похоже на огромную голову, из которой растут волосы. Местами заросшую домами, а местами почти лысую – там были прекрасные, и недоступные ему «свободные пространства».

Эти дома-волосы, как нити, тянувшиеся не то вверх, не то вниз, каким-то странным образом напомнили ему одну из картин – «Бомбы в раю» – из разбитого, но еще живого металлического неба люди сыпались вниз, словно капли воды падали в пустой черный космос, и разлетались по нему, превращаясь в яркие, разноцветные звёздочки. Знатоки утвер-

ждали, что если эту картину повернуть определённым образом, правда неизвестно каким, то можно увидеть «лицо Бога». Икар много раз смотрел на картину, мысленно вращая её и так, и эдак, и надеясь уловить это лицо складывая звёзды в рисунки созвездий, или выслеживая его очертания в трещинах неба, и представляя при этом какого-то неуловимого «Бога» определённо похожим на упитанного доброго старичка с большой белой бородой. Хотя почему старик?.. почему с бородой?.. Странное у картины было название, и где же он ее видел? В «Злом Котэ», ну да, да. Где всё время играла «фаату» и приятно пахло цветами – уютное сочетание – мягкая тоскливая музыка, песни об утраченном мире, о невозможности его нового обретения, и запах цветов, которых никто никогда не видел. Последний раз они были в этом баре вдвоём с Иваном. Сидели за столиком и долго молчали, ведь с кем еще так помолчишь, как не с родным братом. Это была их последняя встреча. Недавно, кажется, и, кажется, давно. В тишине перед его взрывом. В зале без картин Луйдака, которых Икар побаивался. Им принесли стакан с водой в качестве аперитива, Икар брезгливо отодвинул стекляшку в сторону:

– Как на работе? – спросил он, вздыхая.

Это была странная традиция у выходцев с Энджи – угощать гостя стаканом воды, простой питьевой водой в стеклянном стакане.

– Не жалуюсь, – ответил Иван.

– Все так же курьером?

– Да, – ответил брат. – Ты?

Икар улыбнулся, потирая сухой нос:

– Иногда мне кажется, что я работаю трофеем.

– Как это?

– Стою, молчу, рядом другие стоят, тоже молчат. Все разные. Иногда ходим по кругу. Стоять вроде надо для перевода, но перевод случается... ну, последний раз... очень давно было.

– А что они там делают вообще?

– Ну, сидят на своих горках, трещат о чём-то. В прошлый раз обсуждали что заказать на ужин, сынгуари одного из друзей... хотя слово «друг» тут не самый точный перевод...

– Сынгуари?

– Да, это элемент лицевой одежды, прикрывает мандибулы.

– Гадость.

– Да.

– Гадость!

– Привыкаешь.

– И все?

– Еще про то, кто как приподнял усики при обсуждении, в какую сторону повернулся, сколько раз мигнул, что всё это значит, и как с этим быть.

– И что всё это значит? – поинтересовался Иван, рассматривая пену в стакане, который ему принесли.

– Да всё что угодно, я понятия не имею, они и сами, кажется, не знают.

– Фигня какая-то, – выразил мнение Иван. – И че там, совсем ничего интересного?

– Ну... – Икар задумался, щурясь на желтую лампу на стене, – задвинулись недавно на тему пожирателей. Ну это знаешь, наверное, те, которые последними прибыли.

– И что, реально последними или это всё вранье?

– Реально последними, после них пока никого.

– И что с ними?

– С ними все хорошо, но Сантьяго загнался по поводу какого-то объекта, я не смог понять, что именно за объект. Они называли его «точкой», хотя это неточный перевод, у них такого знака нет в пунктуации, по смыслу самое близкое... м-м-м... слово означает... м-м-м... завершение... короче этот Сантьяго возбудился страшно, ни разу не видел его в таком состоянии.

– Обычно вялый твой таракан, да?

– Таракан... – усмехнулся Икар, – вообще они нормальные ребята, очень вежливые и даже... деликатные.

– Да, очень. Деликатные, – брат передразнил Икара. – С нами они тоже очень деликатно обошлись.

– С кем с нами? – осторожно спросил Икар, поднимая глаза на брата.

– С тобой, со мной, с отцом, с Энджи, с людьми.

– Мы же победили, – нерешительно произнес Икар.

Иван посмотрел на него так, словно брат произнёс какую-то глупость, Икар опустил глаза, слегка розовея.

– Победили, да. Когда ты последний раз с отцом общался?

Икар покраснел, не ответил.

– Он бы рассказал. Как мы победили.

– А ты когда? – вызывающе бросил Икар, рассчитывая, как ему казалось, на то, что Иван начнёт оправдываться и вилять, и тогда его собственная растерянность станет менее заметной. Но брат вилять не стал.

– Не помню.

Икар удивился, растерялся.

– А что? Плохо это, но если честно, я его немного побаиваюсь... ну не его самого, а то, кем он стал, каким...

– Чем.

– А?

– Чем он стал.

– А, да, и это тоже.

Икар снова заглянул в лицо брата, на этот раз с укором. Тот заметил и, словно извиняясь, улыбнулся, качая головой.

– Плохо это. Как он там? Я не знаю, ты не знаешь, зато про какие-то срангуари своего таракана ты отлично в курсе.

– Сынгуари, – поправил Икар.

– Я так и сказал, – буркнул Иван, забираясь носом в стакан. – Давить их надо было. Сильнее, сильнее давить.

– А раздавили вас! – неожиданно донеслось из-за ширмы, отделявшей их столик от соседнего, – Надутых червяков с

манией величия и убогим оружием! Гху!

Другие голоса его поддержали, за ширмой одобрительно загудели, гху, гху, причем нарочито громко, чтобы их услышали наверняка. Гху, гху, гху – характерный хык местных мулатов, чудовищной и унижительной смеси человека с аборигенами.

Иван встал и отправился за ширму. Рука его потянулась к бедру, и за ней непроизвольно последовал взгляд Икара и нагнулся там на что-то черное, сверкнувшее мрачным металлическом изгибом под случайно приподнявшимся краем рубашки. Ткань словно ухмыльнулась, обнажив стальные крепкие зубы.

Икар сразу понял, это оружие. Как и всякий, наверное, кто родился и вырос на Энджи. Потому что это было то самое оружие, оттуда, с Энджи. Их оружие.

За ширмой раздался сухой металлический щелчок, оборвал гхукание, и спокойный голос брата произнёс:

– Повтори, мразь.

Затем тишина, совершенная, абсолютная тишина, хотя, возможно она лишь показалась Икару, потому что рядом бубнил и дёргался экран, а вокруг мерцали другие ширмы, закрывавшие другие соседние столики, за которыми шла какая-то другая, далеко не бесшумная жизнь. Но ему в тот момент показалось, что всё замерло. Стихло, затаилось в испуге и ожидании оглушительного хлопка. Икар как будто почувствовал даже и запах. Масло, порох. Такой часто шел от

дедушки, от его рук и одежды. Запах войны, опасности, разрушения, и бессильного отчаяния, и нехорошего, ненужного будущего.

Тишина за ширмой. Брат вернулся, сел за столик, поправляя одежду, поднёс к губам стакан, сделал глоток и произнес:

– Ни разу не встречал ни одного живого мпода. Всякой мрази сколько угодно. А мподов ни разу, – отхлебнул еще и поставил на стол. – Они вообще существуют или это выдумки какого-нибудь дурацкого местного Новостэ, чтобы держать нас всех за идиотов?

Икар разлепил рот, и будто не своим голосом ответил:

– Я видел, кгхэ-э-эм... они настоящие.

– Значит, не все потеряно.

Стол перед ними неожиданно окрасился синим, и от него потянуло холодом.

– Настучали гады, – ухмыльнулся Иван. – Ну пойдем, раз так.

К изменившемуся в цвете столу мгновенно прилипли их недопитые стаканы и все остальное, что лежало на нем за исключением личных вещей.

– Вот и посидели, – произнёс Икар.

Оба встали и направились к причалу. Иван бросил взгляд на число, горевшее на выходе из бара, номер эшелона.

– Ого, а я и забыл. Чувствую, тяжело так дышится. Пятьсот девятнадцать, ты видал?

Икар пробубнил что-то в ответ, мол, сколько раз здесь бы-

ли, и ничего. У самого причала Иван неожиданно погрузнел, плечи его словно сложились, он будто вспомнил что-то, увидев развернувшийся перед ними город. И тогда он сказал, но как-то неуверенно, словно не декларировал очередную мудрость, добытую чьим-то чужим опытом, а уговаривал сам себя, утешал или оправдывался:

– Жизнь – это не те дни, которые мы прожили, а те, которые запомнились.¹

Без всякого сомнения, этот день запомнился Икару: этот ненужный рассказ о работе; укоряющий образ отца в памяти; мерзкое гхукание за ширмой; тишина – эта маленькая, но приятная победка; странные сожаления брата, его молчаливое порицание, и, конечно, загадочное оружие, блеснувшее у него под рубашкой, так легко успокоившее мулатов.

Вспоминая это, Икар задумался над тем, не была ли просьба брата чем-то большим, чем просьба? Не было ли в ней какого-нибудь двойного дна, о котором тот не сообщил из опасений спугнуть помощника?

Икар снова поёрзал в кресле. Успокаивало то, что это было не в первый раз, когда брат просил ему помочь, передать что-нибудь кому-нибудь где-нибудь. При этом обычно Икар понятия не имел, что и кому надо было передать. Это было неинтересно, город везде одинаковый. Везде, где ему разре-

---

¹ Оригинальная фразы принадлежит Г. Г. Маркесу и звучит так: «Жизнь – не те дни, что прошли, а те – что запомнились».

шено было находиться. Даже та область, куда он ездил работать, отличалась несущественно.

Тем не менее, у Ивана имелось оружие, и это было странно. Зачем?

Серый город рябило от дронов. Серое небо с оранжевыми перьями, подсвеченными невидимым закатом. Икар закрыл глаза. Если брат сказал «безопасно», значит так и есть.

Дрон добрался до нужного дома, вошел в вертикальный канал и устремился вниз. Перед глазами Икара задержались цифры, лохматые мподские кривые черточки, похожие на слетевшихся мух. От лёгкой невесомости зачесалось в груди.

Квартира Ивана размещалась на сто пятьдесят третьем эшелоне и располагалась в доме несравнимо более шикарном, чем у Икара. Все в ней было просторней, и даже стены казались не такими круглыми. Брат держал их пустыми. Но самое крутое, чему Икар завидовал особенно – это вызывающе, бескомпромиссно ровный пол. Высокие потолки позволяли сделать в комнатах настил, который не только избавлял полы от неровностей, но и позволял использовать образовавшиеся под ним пустоты в качестве дополнительных хранилищ. Кроме этого, у Ивана была огромная устойчивая кровать, фантастически мягкий красный диван и широкие, крепкие столы. Один на кухне тёмный, второй светлый в кабинете.

Как раз под одним из этих столов, блестящим от расположенного рядом окна, и размещался предмет, который по

просьбе Ивана необходимо было переправить получателю. Причем сделав это непременно лично. Икар остановился рядом – полиморфная коробочка. Как все прочие такие коробочки, она приобретала характер того места, в котором находилась. Под строгим кабинетным столом брата она выглядела небольшим и бесхитростным кубиком черного цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.